

**Владимир
ЮРИНОВ**
г. Андреаполь
Тверской области

Записки военного летчика

От автора

Дорогие друзья!

Перед вами подборка рассказов, повествующих о временах хоть и не столь давних, но уже, безусловно, легендарных, о временах, когда огромный корабль под названием «Советский Союз» совершенно неожиданно для всех нас, плывущих на нём в светлые, но всё никак не достигаемые дали, напоролся на отмель со звучным и заманчивым названием «Перестройка». Напоролся, хрустнул всеми своими большими суставами, всякими разными бимсами и шпангоутами, да так и застрял на этой отмели – вечным назиданием потомкам, памятником возвышенному Порыву Духа, разбившемуся о суровую Реальность Бытия. Памятником очередной несбывшейся мечте. Не первой и, вероятно, не последней на длинном и трудном пути человечества.

Перестройка застала меня в маленьком дальневосточном гарнизоне Орловка, затерянном на просторах Амурской губернии. Мы – молодые лётчики-истребители, свежевыпущенные выпускники Черниговского училища, попав по распределению в этот дремучий таёжный угол, сразу, как будто в омут с головой, окунулись во взростную жизнь, в непросто-

тую лётную работу, в гарнизонный быт, окунулись в Перестройку. Об этом мои рассказы.

Времена, как вы, наверное, помните, были страшненькие. Поэтому я старался писать о них весело. Так сказать, на контрасте. Что любопытно, они и вспоминаются теперь всегда с улыбкой, эти непростые, да что там говорить, по нынешним меркам просто-таки жутковатые времена. Наверное, потому, что воспринимались они тогда через призму нашего неиссякаемого жизнелюбия, нашего, ещё не потраченного молью, энтузиазма. Ведь все мы тогда были восхитительно, непередаваемо, безоглядно молоды. Так что эти рассказы ещё и дань моей – нашей! – безвозвратно ушедшей молодости. Трижды прав великий Гераклит: в одну реку нельзя войти дважды. Нельзя, если эта река не Река Памяти.

Так что вперёд, друзья мои, – читайте, вспоминайте, ностальгируйте. Смейтесь громче, слёзы смахивайте украдкой. Ибо сказано основоположником научного коммунизма, многократно в своё время нами проштудированным и старательно законспектированным Карлом Генрихом Марксом: человечество должно расставаться со своим прошлым весело!

На том и стоим.

Искренне ваш автор.

Брать живьём!

Эта история по странному стечению обстоятельств произошла в первый же день нашего пребывания в Орловке. Мы – двенадцать лейтенантов – приехали в гарнизон накануне, переночевали в гостинице и в это утро впервые ехали на службу, на аэродром.

Всё для нас было внове, всё было необычно. Нас удивлял тридцатиградусный мороз в середине ноября. Нас удивлял чуть живой от старости, рассыпающийся на ходу «кунг», поданный под лётный состав. Нас удивлял этот самый лётный состав, сидящий в «кунге» попеременно, без различия в чинах и званиях, и с первой же минуты поездки азартно включившийся в необычную для нас карточную игру.

«Кунг», в котором мы ехали, был с окнами, и мы время от времени выглядывали наружу, чтобы поглазеть на проплывающие мимо окрестности. Вскоре наше внимание привлёк огромный столб серо-белого дыма, поднимающийся из-за деревьев в совершенно безоблачное ярко-голубое морозное небо.

– Что это тут у вас такое? – в конце концов, не выдержав, спросили мы у шлёпающих картами и не глядящих по сторонам старожилов. – Никак вулкан заработал?

Те выглянули в окно и тоже обалдели.

– Мужики, так это ж пожар! – догадался кто-то. – Это где-то в районе казармы что-то горит!

Игра пошла побоку. Все прилипли к окнам, пытаясь определить место пожара. Но лишь на самом подъезде к аэродрому, когда «кунг» выехал на открытое место, удалось разглядеть, что источник вулканического дыма находится где-то за казармой – там, где располагались хозяйственные постройки батальона обеспечения.

Наконец приехали на место построения. Полк уже стоял в строю. Лётчики горохом посыпались из «кунга» и поспешили на свои места. В строю все шушукались и с тревогой и любопытством поглядывали на столб дыма, исполинской дубиной выглядывающий из-за здания штаба, напротив которого мы стояли. Столб был огромным – в абсолютном безветрии он вертикально поднимался на высоту не менее чем полтора-два километра.

Командир запаздывал. Начальник штаба, поглядывая то на часы, то на дымный столб, нервно прохаживался вдоль строя.

Наконец подлетел командирский уазик. Командир, хлопнув дверцей, выскочил из машины, начальник штаба зычно скомандовал: «Смирно!» Но

командир только отмахнулся: «Вольно!» и, бросив на ходу: «Мои заместители и командиры подразделений – ко мне в кабинет!», торопливо скрылся в штабе.

Построение было скомкано. Строй рассыпался на разновеликие кучки. Нервно задымили сигареты. Что-то явно было не так.

Минут через пять из дверей штаба выглянул комэска первой.

– Построения не будет! – крикнул он. – Все – по рабочим местам! Первая эскадрилья – в класс!

Народ зажужжал.

– Михалыч! – крикнул кто-то из толпы. – Что случилось-то?! Что горит?!

– Свинарник в батальоне сгорел! – ответил комэска и снова скрылся в штабе.

Вскоре уже все всё знали. Рано утром на хоздворе батальона обеспечения от короткого замыкания загорелись деревянные постройки. Огонь начался в лесопилке и быстро перекинулся на находящийся рядом свинарник, где содержалось изрядное количество свиней. Не желая бесславно погибнуть в огне, хрюшки сломали хлипкую загородку и кинулись на волю. И выходило, что сейчас по полям, кустам и перелескам в окрестностях аэродрома бродило несколько десятков совершенно бесхозных свиней.

Народ заволновался. Свинина! Нежнейшая свинина, жалобно похрюкивая и трогательно помахивая своими жалкими хвостиками, разбредалась по орловским окрестностям. На тонких дрожащих ножках, проваливаясь по брюхо в снег, обмораживая свои гляцевые розовые пяточки, несчастные свиньи брели сквозь колючий кустарник, перебирались через ледяные ручьи, барахтались в заметённых снегом оврагах, пропадали в дремучем лесу, и не было им нигде спасения!

Вскоре начальство определилось с приоритетами и выработало план действий. И началась Великая Свинная Эпопея!

В авиационном гарнизоне все на несколько дней забыли об авиации и о полётах. В частях и подразделениях спешно формировались добровольные охотничьи дружины. От желающих попасть в число дружинников не было отбоя. В охотники жаждали записаться даже те, кто не знал, с какой стороны у ружья приклад. Таких брали в загонщики.

Несколько суток – на автомобилях и пешком, на лыжах и без – многочисленные охотничьи отряды бороздили окружающие леса, поля и перелески. Поставленная командованием задача: «Брать живьём!» повсеместно не исполнялась. Судя по

рапортам охотников, свиньи ни за что не желали расставаться со столь внезапно обретенной свободой. При задержании они оказывали яростное сопротивление и, во избежание потерь среди личного состава, уничтожались ответным огнём.

Тогда командование приказало доставлять на склад хотя бы туши убиенных свиней. И туши начали поступать. О боже, в каком они были виде! Судя по тушам, настигнутые охотниками свиньи бились отчаянно, не на жизнь, а на смерть, сражались, как говорится, до последней капли крови. Видно было, что дело доходило до драки на ножах, до беспощадной рукопашной. Кроме того, выяснились и другие странные вещи. Оказалось, что вместо упитанных хряков и свиноматок в батальонном свинарнике сохранились доведённые до последней степени дистрофии измождённые «доходяги» – буквально кожа да кости, причём подавляющее число из этих «доходяг» были к тому же ещё и глубокими инвалидами и имели по три, две, а иногда и лишь по одной конечности. Как подобные несчастные животные смогли выбраться из горящего свинарника да ещё и уйти столь далеко от гарнизона, навсегда осталось загадкой.

Ну а примерно две трети всего свиного поголовья и вовсе сгинули без следа.

Что же касается нас, то мы – молодые лётчики, лейтенанты, начавшие свою службу в истребительно-авиационном полку с охоты на свиней, – мы как-то сразу поняли, что попали служить в место неординарное, может быть, даже уникальное, и что жизнь наша здесь будет, возможно, и не самой простой, но уж, во всяком случае, не скучной...

О травмах, несовместимых с разумом

Зима 84-85 началась в Орловском гарнизоне с того, что из-за аварии в аэродромной котельной оказались полностью замороженными все служебные здания, расположенные на аэродроме: оба штаба – полковой и батальона обеспечения, учебно-лётный отдел (УЛО) и тренажёрный комплекс.

Ремонтные работы начали не сразу, а лишь после новогодних праздников – когда привезли новые трубы и радиаторы. Магистральную теплотрассу и отопление в зданиях восстанавливали поочередно, двигаясь от котельной. Здание УЛО, в котором находились эскадрильские классы, было в этом ряду третьим по счёту. Поэтому дело до него дошло только в феврале. А до этого мы без малого три месяца занимались в классе, больше напоминающем снежную пещеру: на сте-

нах в свете электрических ламп искрилась изморозь; окна заросли сантиметровым слоем льда и практически не пропускали дневного света; на потолке от нашего дыхания выросла густая мохнатая, толщиной с ладонь, ковёр из инея. Изредка куски этого ковра отваливались от потолка и с шумом рушились вниз.

Несмотря на постоянно работающие электрообогреватели, температура в классах оставалась минусовой. Мы сидели на занятиях в полной зимней экипировке: в унтах, «ползунах», меховых куртках, в шапках, а кое-кто и в перчатках. Нам, в общем-то, было тепло, а вот ручки при такой температуре писать отказывались. Приходилось идти на различные ухищрения: те, кто писал шариковыми ручками, запасали их по несколько штук – одной писали, а остальные держали в тепле, во внутреннем кармане; те же, кто пользовался чернильными ручками, добавляли в чернила перед заправкой несколько капель спирта.

* * *

История, которую я хочу здесь рассказать, началась в понедельник.

Это был день предварительной подготовки. Мы – лётчики третьей эскадрильи – сидели в классе и усиленно готовились к завтрашним полётам. В классе было холодно, из ртов при разговорах шёл пар – безостановочно работающие «козлы» не справлялись с тридцатиградусным законным морозом.

«Козлов» в нашем классе было два – по одному на каждый проход между столами. В соседнем проходе стоял классический «козёл»: асбестоцементная труба, водружённая на деревянные козлы. А вот в нашем проходе агрегат был похитрее. Какие-то умельцы приспособили к обогреву стандартный блок от большой электроплиты, из тех, что используют в кухнях общепитовских столовых. Таким образом, «козёл» этот представлял собой привинченный к обыкновенному деревянному табурету стальной квадрат со стороной примерно сорок сантиметров, с вмонтированной вовнутрь электроспиралью. «Электроплита» эта стояла как раз рядом со столом, за которым сидел мой кэз – командир звена – капитан Сорокин.

Сорокин был заядлым курильщиком и чуть ли не через каждые пятнадцать минут бегал на улицу «подымить».

Вот и на этот раз он отложил ручку, закрыл тетрадь и окликнул сидящего на другом ряду командира второго звена капитана Паршикова:

– Валентин, пойдём, отправимся!

Паршиков, единственный из всех сидевший в классе без шапки, отрицательно помотал лысой головой.

– Не хочу... Недавно ж курили!

– Полчаса уже прошло! – настаивал Сорокин. – Пошли!.. – и, видя, что товарищ не реагирует, сменил тон на вкрадчивый. – Угощаю! У меня – «Космос»!..

– Блин! – Паршиков бросил ручку и распрямился. – Пошли! Ты ж, красноречивый, и мёртвого уболтаешь!

Они принялись шумно выбирать из-за столов.

– Когда уже вы накуритесь, бычкососы?! – подавал голос некурящий командир первого звена капитан Выдыш. – Ползаете туда-сюда, только тепло из класса выпускаете!

Завязалась обычная для таких случаев словесная перепалка.

И тут Сорокин, увлечённый разговором, вставая из-за стола, машинально опёрся голой рукой на стоящую в проходе «электроплиту». Я увидел, как ладонь кэза поехала по раскалённому металлу, как кусок сала по сковородке. Сорокин вскрикнул, отдёрнул руку и, согнувшись пополам, зажал обожжённую ладонь между коленями. В классе отчётливо запахло шашлыком. Мы вскочили со своих мест и обступили потерпевшего.

– Нормально... Нормально... – бормотал он, но по его лицу было видно, что ничего нормального нет.

– На улицу! В снег! – закричал Паршиков, и Сорокин с группой сопровождающих и сочувствующих с шумом и топотом выбежали из класса.

– Я всегда говорил – курить вредно! – прозвучал в установившейся тишине ехидный голос Выдыша...

В класс Сорокин уже не вернулся. После обеда на работе он тоже не появился – у него поднялась температура, а обожжённая ладонь превратилась в один огромный волдырь. Стало ясно, что летать он в ближайшее время не сможет.

Доложили командиру. Тот поворчал, но – делать нечего, что случилось, то случилось – приказал раскидать инструкторские полёты Сорокина по другим лётчикам-инструкторам. «Плановую» оперативно переделали.

* * *

На следующий день, во вторник, мы утром выехали на полёты. Поначалу всё шло, как обычно, но на предполётном тренаже выяснилось, что на аэродром не прибыл капитан Паршиков. Ситу-

ация была неприятная, но не смертельная: мало ли, может, проспал человек отъезд, пешком, может, добирается, – всякое в жизни бывает.

Начались предполётные указания.

– Комэски, все на месте? – как обычно, перед включением магнитофона уточнил комполка.

Наш комэска Земляков поднялся:

– Паршикова нет.

– А где он?

Земляков виновато развёл руками.

В это время дверь распахнулась, и в класс торопливо вошёл начмед. Подойдя к командиру, он что-то сказал ему на ухо. Глаза командира округлились.

– Когда?!!

– Часа два назад...

– Сильно?!!

– Не знаю. Сказали – лежит... Я «санитарку» послал.

Командир заиграл желваками.

– Так... – наконец произнёс он. – Начштаба, проводите предполётные... Полёты без меня не начинать!.. Доктор, подполковник Земляков и... замполит – со мной! – и, схватив со стола свою папаху, быстро вышел из класса.

Названные лица гурьбой устремились за ним. После их ухода в классе повисла недоумённо-напряжённая тишина...

Начало полётов задержали почти на час. Паршикова из плановой таблицы вычеркнули. Соответственно, лишившись своего инструктора, остались без полётов и все лётчики его звена. Вернувшийся из городка Земляков поведал нам, что же всё-таки случилось с командиром второго звена в то роковое утро.

* * *

Паршиков собирался на полёты. Он уже надевал в прихожей куртку, когда в дверь постучали. На пороге возникла соседка.

– Валентин, выручай! Свет пропал! Санька мой – в наряде, только вечером придёт, а мне детей кормить!..

– Танюш, я ж – на полёты! – попробовал отвертеться Паршиков. – Мне уже выходить! Кого другого попроси.

– Да кого ж я попрошу?! – воскликнула соседка. – Все ж на работе!

Она не лукавила. Часы показывали половину девятого, и все мужчины уже действительно были на службе. Соседку надо было выручать.

– Ну, давай! Только быстро!

Валентин застегнул куртку, вооружился отвёрткой и плоскогубцами и вышел на лестничную площадку. Соседка уже ждала его возле электросчётчиков. К стенке была услужливо подставлена табуретка.

Паршиков взгромоздился на табуретку и попытался разобраться в хитросплетении соседских проводов.

– Санька мой там какую-то штуковину отгибает, а потом обратно загибает, – попыталась внести свою лепту в ремонт соседка.

– Тут штуквин этих!.. – пробормотал Валентин и, приблизив лицо к проводам, сунулся в них плоскогубцами.

В подъезде раздался продолжительный треск и на несколько секунд зажглось маленькое солнышко. Во все стороны, как от фейерверка, полетели искры. Соседка, закрыв голову руками, завизжала...

Паршиков очнулся в своей квартире. Он стоял посреди комнаты и сжимал в руках оплетённые пластмассой ручки от плоскогубцев. От самого инструмента ничего не осталось – почти двести граммов высококлассной легированной стали попросту превратились в излучение.

Валентин почти ничего не видел. Всю площадь поля зрения у него занимало одно полыхающее ярко-зелёное пятно. Лишь по краям этого пятна оставалась узкая полоска нормального изображения. Горело лицо. Горела лысая голова. Горели обожжённые руки.

– Валя, ты как?.. – услышал он сзади вкрадчивый голос соседки.

Паршиков обернулся. Соседка вскрикнула. Валентин видел внизу, под пятном, только её розовые разношенные тапочки. Тапочки пятлились.

– Звони, Танюха, на аэродром. Доктору, – приказал Валентин и с грохотом швырнул остатки плоскогубцев на пол. – Пусть срочно приезжает. Скажи – Паршиков сгорел...

* * *

Ближе к вечеру, незадолго до конца лётной смены, командир полка решил ещё раз навестить пострадавшего лётчика. Утром было особо не до разговоров: Паршикову оказывали медицинскую помощь; он по большому счёту был ещё в шоке; да и время поджимало – полёты, сами понимаете.

Конечно, если говорить откровенно, то командир был вне себя. Ещё бы! В течение суток из строя выбыли два командира звена. Шесть моло-

дых лётчиков остались без своих инструкторов. И это в разгар вывозной программы! Причём, что самое возмутительное, причиной этому послужили не какие-нибудь внешние привходящие форс-мажорные обстоятельства, но исключительно обычное разгильдяйство. Да-да! Самое обыкновенное разгильдяйство, помноженное на вопиющую личную безответственность!

Но в то же время командир понимал, что служба службой, но ведь есть же и простые человеческие взаимоотношения. Лётчики и так пострадали. Более того, им наверняка сейчас намного тяжелее, чем ему. Ведь на их, безусловно, непростые моральные переживания, кроме всего прочего, накладываются и совершенно конкретные физические страдания!

Кроме того, командир знал, что семья Паршикова находится в отъезде, на «большой земле» и заботиться о лётчике сейчас особо некому. От лазарета Паршиков наотрез отказался, мотивировав это решение тем, что в родных стенах ему привычней и удобней, и в настоящий момент, вероятно, лежал дома один-одинёшенек, терзая себя угрызениями совести и жестоко страдая от своих многочисленных ожогов. Совершенно понятно, что командиру полка захотелось как-то подбодрить своего офицера. Конечно, медицина медициной, замполиты тоже своё дело сделают, но забота командира о своём подчинённом, отеческое командирское слово, они, несомненно, имеют особый вес и никогда не помешают...

Ещё на подходе к квартире Паршикова командир услышал жизнерадостный жеребьячий хохот, доносящийся из-за двери. Удивлённый комполка толкнул незапертую дверь и вошёл.

В комнате находились двое.

На кровати, подперев спину подушками, полулежал человек, лицо которого – от затылка до шеи – было густо вымазано какой-то белой жирной субстанцией. Больше всего человек этот напоминал подгулявшего свадебного гостя, упавшего лицом в кремовый торт. Сходство дополнялось тем, что в поднятой руке, тоже перемазанной до самого запястья, «гость» держал наполовину полный гранёный стакан. Держал он его, видимо, чтобы сильно не перепачкать, двумя пальцами – большим и указательным – отведя остальные в сторону, что придавало его позе определённый аристократический шарм. Командир с некоторым трудом опознал в этом «человеке из торта» капитана Паршикова.

Перед кроватью, на стуле, сидел другой капитан – Сорокин: с белой забинтованной культей,

торчащей из левого рукава. В здоровой руке у Сорокина тоже был стакан.

Между двумя «погорельцами» на застеленной газетой табуретке стояла уже сильно неполная трёхлитровая банка с прозрачной жидкостью и была разложена кое-какая немудрёная закуска. В комнате сизыми горизонтальными слоями плавал сигаретный дым. Увидев вошедшего командира, офицеры замолчали, а Сорокин даже предпринял попытку привстать.

– Сидите! – махнул на него рукой командир. – Это что?! – указал он пальцем на банку.

– Банка, – не стал отпираться Сорокин.

– А в банке?! – заиграл желваками комполка.

– Спирт, – просто сказал Паршиков. Глядел он при этом немного вбок, как будто страдал косяглазием, поэтому создавалось впечатление, что говорит он с кем-то ещё, находящимся в комнате и видимым только ему одному.

– Спирт?! – удивился командир. – Откуда?!

– Доктор дал, – пожал плечами Сорокин. – Эта, как его... анс... анус... а-нес-те-зия!

– Вам налить? – кротко поинтересовался Паршиков.

Командир помолчал, сдерживаясь.

– Как вообще самочувствие? – наконец спросил он. – Сильно болит?

– Ваще не болит! Ва-аще! – радостно доложил Сорокин и, выдвинув из рукава, поманипулировал в воздухе белой культяшкой. – Анус... анс... а-нес-те-зия ведь! Доктор – ваще красавчик!

– Да вы присаживайтесь, – Паршиков, кокетливо глядя куда-то в сторону и вниз, похлопал свободной ладонью по краю своей постели. – Миша, сообрази стакан для командира... Мы тут, товарищ командир, как раз собирались за закон Ома выпить. Вот только ни хрена вспомнить не можем, напряжение там на сопротивление умножается или делится. Вы, часом, не подскажите?

Командир зашипел, как кобра, и, гремя каблуками, выкатился вон из комнаты. Ему вдогон донёсся очередной взрыв жеребьячьего смеха...

* * *

По окончании полётов командир полка приказал никого из лётчиков с аэродрома не отпускать, а после предварительного разбора полётов собрал весь лётный состав в классе.

Речь его отличалась краткостью и эмоциональностью.

– Товарищи лётчики! – упираясь кулаками в столешницу и перекатывая тяжёлый взгляд по на-

шим лицам, сказал командир. – Я настоятельно рекомендую вам думать! Прежде чем что-нибудь делать!.. Или куда-нибудь что-нибудь совать!.. Причём думать по возможности тем местом, на которое надевают шапку! А не штаны!.. А то тут некоторые, понимаешь!.. Вольноопределяющиеся! Которым уже, дай бог, по сорок лет! И которым всю жизнь... начиная с детского сада! И учителя в школе! И в училище! И командиры всех степеней!.. Пытались, понимаешь, вырезать на мозгах извилины!.. А наделали, к сожалению, только шрамов!.. Так вот, я рекомендую вам думать! Чтобы не получать обидных травм!.. Несовместимых с человеческим разумом!.. А то, понимаешь, устроили!.. Фарадеи недобитые!.. Два брата-акробата! Цирк, понимаешь, уехал, а клоуны остались!.. И доктор ещё туда же! Потакает! Вместо того чтобы засадить, понимаешь, укол! Такой, чтоб только лежать могли! На животе! Чтоб в следующий раз неповадно было!.. Закон Ома им, понимаешь, подавай!.. Всё! Все свободны!..

Глиссер

Было у нас в Орловском гарнизоне одно место, где рыбы было не просто много, а очень много. Я сейчас имею в виду наш полигон.

Авиационный полигон «Амаранка» располагался километрах в восьмидесяти на северо-восток от нашего аэродрома, в междуречье рек Волчья и Гирбичикан, и представлял собой никак не обозначенный на местности квадрат со стороной в десять километров, по которому в причудливом порядке было разбросано множество разномастных и разновеликих мишеней – для различных видов бомбометания и стрельбы.

Место было совершенно глухое, дикое, попасть туда можно было только на вертолёте, и поэтому полигонная команда, состоящая из нескольких солдат и одного прапорщика, жила там практически в полной изоляции. Работы у полигонной команды было немного, поскольку уничтожение наземных объектов всегда было для нас – воздушных бойцов, истребителей – делом десятым. Поэтому полёты на полигон со стрельбами и бомбометанием практиковались у нас в полку не чаще одного раза в месяц. Ну, так – лишь бы навывки не растерять. Поэтому, обеспечив одну лётную смену в месяц, полигонная команда всё оставшееся время была, по сути, предоставлена сама себе. Конечно, у неё была работа по восстановлению разбитых мишеней, по обеспечению

исправного функционирования полигонного оборудования, но, положив руку на сердце, следует сказать, что всё это, конечно, было сущей синекурой. Ну, посудите сами: если оборудование функционирует, то оно заведомо исправно, а если не функционирует, то делать тут уже нечего и надо вызывать на полигон соответствующего специалиста. А разбитые мишени восстанавливать полигонной команде приходилось и вовсе редко, поскольку мы – воздушные бойцы, истребители – по наземным целям чаще всего работали не выше, чем на троечку, а это (опять же по нашим, истребительным, критериям) означало: попал в площадку полигона – и ладно. Поэтому всё своё немереное свободное время полигонщики посвящали двум основным и любимым занятиям – изготовлению браги и рыбной ловле.

Брага гналась из собираемых тут же, на полигоне, ягод – земляники, черники, морошки.

Рыба ловилась небольшими сетями в двух малюсеньких речках, пересекающих полигон, – в Большом и Малом Горбыле.

Для своих нужд рыбы полигонной команде хватало с избытком, но в редкие дни работы полка на полигоне полигонщикам приходилось изрядно попотеть.

В эти дни на полигон – для контроля результатов бомбометаний и стрельб – в изобилии прилетало большое начальство. А как известно, чем крупнее начальник (не физически, разумеется, а по должности), тем больше ему требуется рыбы. Ну, особенность такая есть у начальствующего организма. Свойство такое. Может, даже и генетическое. Приезжало на наш полигон начальство всё больше дивизионное, а порой и армейское, и, стало быть, рыбы для этого начальства требовался не один десяток килограммов. Поднять же в короткий срок такое количество рыбы маленькими сетями было попросту невозможно, и поэтому на полигоне был изобретён и с давнишних пор применялся дешёвый, но сердитый способ единомоментной быстрой добычи большого количества рыбы.

На дальней границе полигона располагалось небольшое, но достаточно глубокое озеро. Вот в нём-то раз в месяц и брали необходимую для высшего начальства рыбу.

Выглядело это так.

Полк в течение лётной смены исправно рыл полигонную землю: молодёжь получала навыки работы по наземным объектам, «старикам» оттачивали своё мастерство. В эфире – в зависимости от меткости попадания – стоял то отборный мат,

означающий, что лётчик вообще никуда не попал, то одобрительные комментарии, означавшие, что лётчик попал хоть куда-нибудь. Мат, разумеется, преобладал.

Наконец с аэродрома в воздух поднимался последний, или, как в авиации говорят – крайний, в эту лётную смену самолёт. Его пилотировал опытный лётчик – обычно один из комэсок. Самолёт выходил на полигон, спокойно отрабатывал своё полётное задание, зарывая в полигонную землю установленное количество железа, а потом разворачивался и устремлялся к озеру. На самолётном пилоне на тот момент оставалась одна-единственная бомба, чаще всего самая маленькая из имевшихся в нашем полковом арсенале – калибра 75 кг. Самолёт делал один заход, ронял бомбу в озеро, внизу бухал взрыв, и тут же из зарослей рогоза и камыша выныривала резиновая лодка под управлением бравого прапорщика – начальника полигонной команды, которая, не теряя ни секунды, начинала ходить галсами по озеру, торопливо подбирая всплывающую кверху пузом, оглушённую рыбу. Завалив лодку рыбой доверху, прапорщик осторожно грёб к берегу, где его уже поджидали полигонный ГАЗ-66 и пара солдат. Часть рыбы шла высокому начальству на презент, из остальной варили изумительную по вкусу тройную уху, которую на обеденном банкете съедало всё то же высокое начальство. Загрузив полные сумки рыбой, накормленное до состояния нестояния ухой под спиртик, высокое командование убывало с полигона, обычно довольное всем: и ухой, и богатым рыбным презентом, и слаженной работой полигонной команды, и – куда уж тут деваться – результатами полковых стрельб.

* * *

В начале 88-го года начальником полигонной команды был назначен прапорщик Ж., за свою удобу, дёрганность и неуживчивый характер заработавший среди сослуживцев обидное прозвище: «Витька-Дрыщ». По сути дела, Ж. просто сбежал из Орловки на полигон – подальше от начальства и едких языков.

На полигоне Витьке понравилось. Ещё бы! Начальство было далеко, зато близко были вкусная бражка и любимая Витькина рыбалка. Правда, в дни полигонных стрельб приходилось изрядно попотеть, но дни эти, как я уже говорил, случались не настолько часто, чтобы затмить своими неудобствами прелести полигонной жизни. За первые полгода в новой должности Ж. подуспо-

коился, приобрёл некоторую начальственную плавность в движениях и даже слегка растолстел.

Беда пришла неожиданно. В полк с проверкой внезапно нагрянула комиссия Генерального штаба.

Точнее, прибыла-то комиссия вполне ожидаемо – ещё месяца за три до её приезда всё командование, от командира полка до командующего армией, знало о предстоящей проверке, но все надеялись, что, как обычно, пронесёт. В авиации ведь как. Пригрозят, запугают – ах, комиссия! ах, высокое начальство! генералы! маршалы! ах, вы смотрите там! – а на деле приедет пара полковников, вполне себе адекватных, покладистых, всё понимающих, съездят на рыбалочку, попьют спиртику и, подписав все необходимые проверочные акты, спокойно уедут восвояси. А тут вдруг взяли и приехали! Ну, маршал – не маршал, а, допустим, генерал-полковник, но – зато! – пехотный: в сапогах, с широченными красными лампасами, маленький, мордатый, злой, въедливый, в авиационных делах ничего не понимающий и понимать не желающий. А с ним целая свора помощников – «массажистов» – ему под стать: лезут везде, суют свои любопытные носы, вопросы задают разные глупые и, главное, ждут на эти вопросы ответов, долго ждут, не мигая, грозно посапывая. А получив ответ, черкают что-то в блокнотике и следующий вопрос задают, и поди ты узнай – правильно ты ответил или нет и какую тебе дыню в ближайшем будущем за этот свой ответ ожидать: длинную и гладкую или круглую и шершавую, с хвостиком.

Генерал-полковник сразу же с порога отмёл предложенный штабом армии план проверки, предусматривавший перебазирование полка на другой аэродром с последующими воздушными боями за завоевание господства в воздухе. Он сказал, что будет проверять только тот аспект боевой подготовки, который ему кажется наиболее важным для фронтовой авиации, то есть подготовку полка к уничтожению наземных объектов. Когда же командующий армией тактично ему намекнул, что проверяемый полк является не бомбардировочным, а истребительным, генерал-полковник молча достал из своего портфеля голубую книжечку Боевого устава и ткнул командующего в соответствующий пункт соответствующего параграфа, где чёрным по белому было написано, что уничтожение наземных объектов входит в круг задач, решаемых подразделениями истребительной авиации. Крыть, как говорится, было нечем. План проверки оперативно переделали и командиру полка поставили соответствующую задачу...

* * *

Прапорщик Ж. в одних трусах сидел на солнышке, на раскладном табурете и, напевая что-то легкомысленное, любовно плёл рыболовную сеть, когда из-за ближайшего леска вывернулся, надсадно таляхтя винтами, зелёный кругломордый Ми-8 и, заложив крутой вираж, плюхнулся в ста метрах от полигонного СКП (стационарного командного пункта). Вертолёт ещё не успел выключить двигатели, а из распахнувшейся в его боку двери уже горохом посыпались люди: замкомандира полка по лётной подготовке, три полковых инженера, батальонный зам по МТО и ещё человек семь-восемь технического состава. Пригибаясь и придерживая фуражки, они двинулись сквозь пыльный вихрь, поднятый винтами вертолёта. Витька встал. Завидев голопузого начальника полигонной команды, зам по лётной призывно замахал руками и, широко разевая рот, закричал что-то неслышимое за свистом лопастей. Витька понял, что день перестаёт быть томным и что сеть в ближайшее время ему уже точно не доплезсти.

Он не ошибся. На полигоне начался аврал.

Двое суток без сна и отдыха полигонная команда гребла и красила. Полигонные объекты, насколько это, конечно, было возможно, доводились до любезного начальствующему взгляду вида, в полном соответствии со старинной армейской мудростью: «Не блещешь умом, блести хотя бы сапогами!» Параллельно прибывшие инженеры готовили к предстоящим стрельбам полигонные мишени. Командир полка поставил перед инженерным составом вполне конкретную задачу: ни одна мишень на стрелковом поле не должна уцелеть. Поэтому под каждую мишень была заложена тротильная шашка с электрическим взрывателем. Провода от мишеней тянулись в спешно отрытый блиндаж за стрелковым полем, где опытный инженер-радиоэлектронщик торопливо паял шедевр инженерной мысли – пульт дистанционного подрыва.

Стрелковое поле представляло собой действительно поле, достаточно ровное и избавленное от излишней растительности, на котором пятью рядами по пять штук в ряд, на расстоянии ста метров друг от друга, располагались мишени в виде грубых, но узнаваемых макетов разнообразной военной техники в натуральную величину: танки, грузовики, самолёты, вертолёты, зенитно-ракетные установки и прочее. Мишени имели свои порядковые номера от № 1 до № 25.

На пульте дистанционного подрыва имелось то же число аналогично пронумерованных тумблеров. Ошибиться было невозможно.

* * *

И вот наступил день «икс».

Высокое начальство прибыло на полигон.

Небо слепило голубизной. Старательно, даже, казалось, чуть подобострастно светило полдневное солнце. Лёгкий ветерок взволнованно пробежал по кронам молодых берёзок. Отчаянно, как в последний раз, пели птицы.

Генерал в сопровождении многочисленной свиты неторопливо шагал по Витькиному хозяйству. Сам Витька – в новеньком, ещё пахнущем нафталином комбезе, накануне спешно доставленном ему с попутным вертолётом, – уныло плёлся в самом конце процессии. Пояснения генералу, учтиво склоняясь к его плечу, давал лично командир полка.

– А это, товарищ генерал-полковник, – здание СКП, стационарного командного пункта... Это – резервные дизельные агрегаты... Позиция локаторов... Склад НЗ...

Генерал безмолвствовал и лишь изредка брезгливо кривил свои красные мясистые губы. Ни аккуратно выкошенная докуда хватало глаз полигонная трава, ни тщательно посыпанные жёлтым речным песком ровнёхонькие дорожки, ни сверкающая под лучами солнца свежей краской техника склада НЗ – ничто не радовало глаз высокого московского гостя. Было видно, что пехотный генерал привык к совсем иному уровню армейского порядка. Да и, скажите на милость, чем могла удивить в области этого самого, армейского, порядка пехотного генерала авиация?! Этот род войск, который одним своим появлением, одним своим выходом из плоскости казарменного муштр-плаца в иные, так сказать, высокие сферы бросал вызов извечному солдафонскому фрунту и ранжиру. Род войск, о котором в армейской среде (наряду с многочисленными легендами и анекдотами) ходили такие, говорящие сами за себя, поговорки как: «Там, где кончается порядок, – там начинается авиация» или «Когда Господь создавал дисциплину, авиация была в воздухе...»

– Это что? – генерал остановился возле внушительных размеров стеллажа, сплошь заставленного стандартными двадцатилитровыми стальными канистрами.

– Оперативный резерв дизтоплива, – чётко отрапортовал командир.

Генерал небрежно кивнул и было уже двинулся дальше, как вдруг резко остановился, внимательно вгляделся в стеллаж и приподнял бровями фу-

ражку. Командир полка с тревогой проследил направление его взгляда и вдруг почувствовал, как по всему телу зашевелились волосы – одна из стоящих на солнцепёке канистр вздулась и, потеряв свои прямоугольные очертания, уже больше напоминала стилизованный под канистру тёмно-зелёный воздушный шарик.

– Эт-то что?! – всем корпусом повернулся к командиру полка генерал.

Командир потрясённо молчал, буквально физически ощущая, как затрепетали вольнолюбивыми пташками звёздочки на его погонах.

– Начальника полигона ко мне! – потребовал генерал.

Бледного до синевы Витьку вытолкнули пред светлы очи.

– Что это?! – повторил свой вопрос начальник комиссии, пожирая Витьку глазами.

– Ва... ва... ва... – дрожа подбородком, доложил Витька.

– Доставай! – распорядился генерал.

Витька на негнущихся ногах подошёл к стеллажу и, достав канистру, осторожно поставил её на землю.

– Открывай!

Витька издал глотательный звук, по-лошадиному замотал головой и попятился, но тут же наткнулся на сомкнувшиеся за его спиной каменные плечи московских полковников.

– Открывай, сука! – грозно дыхнул ему в ухо один из них.

Витька судорожно вздохнул и, нагнувшись, обречённо рванул крышку канистры. Крышка не поддалась. Витька повторил попытку. Безрезультатно. Кто-то из полковников учтиво подал ему топорик, снятый с пожарного щита. Витька повалил канистру на бок и, размахнувшись, шарахнул по крышке обушком. Раздался громкий хлопок, и из канистры со свистяще-шипящим звуком ударила длинная пенная фиолетовая струя. Одурающе запахло брагой.

Генерал втянул носом воздух.

– Черничная?!

– Так точно! – попирая ногой предсмертно хрипящую канистру, согласился Витька. – Черничная!.. – и неожиданно для себя начал торопливо объяснять: – Черники здесь, товарищ генерал-полковник, тьма, особенно вон там, за речкой...

Но генерал недослушал.

– Звание?! Фамилия?! – выдвинув, как нижний ящик стола, свою квадратную челюсть, пролаял он.

Витька поперхнулся воздухом, выронил топо-

рик и, чувствуя, как земля уходит из-под его ослабевших ног, представился.

Выяснив, что перед ним всего-навсего прапорщик, генерал потерял к Витьке всяческий интерес.

– Полковник! – окликнул он командира полка. – Разберитесь и накажите своей властью...

* * *

Перед началом полётов командир полка позвонил Витьку к себе.

– Слушай, Дрыщ! – играя желваками и зло глядя Витьке в лицо, сказал командир. – Если ты и во время стрельбы обгадишься!..

– Товарищ командир! – взмолился Витька. – Да я!.. Да мне!.. – он чувствовал себя дико виноватым и готов был подрывать каждую мишень на стрелковом поле самолично, на манер террориста-смертника обвязавшись тротилом.

– Смотри у меня! – потряс командир перед Витькиным носом длинным волосатым пальцем.

Витька козырнул и со всех ног кинулся к своему блиндажу. Он был твёрдо намерен ни в коем случае не подвести оказавшее ему высокое доверие командование и лечь костями, но добиться отличного результата зачётных полигонных стрельб.

Но, видимо, звёзды в тот злополучный день сошлись для него раком...

* * *

Начало полётов было назначено на 14 часов.

Прибыв на СКП, генерал принял доклад руководителя полётов и огляделся. Стрелковое поле, по которому предполагалась работа полка, было видно отсюда как на ладони.

– Откуда будут заходить самолёты? – спросил генерал у РП.

– С боевым курсом шестьдесят, – указал руководитель полётов на юго-запад.

Генерал высунулся из-под козырька крыши и поморщился – послеобеденное солнце било прямо в глаза.

– Не пойдёт! – повернулся генерал к командиру полка. – Меняй боевой курс на обратный.

То, что в этом случае солнце будет бить в глаза заходящим на цель лётчикам, генерала ничуть не волновало.

Командир передал на аэродром соответствующее распоряжение.

Собственно, ничего особо страшного в сложившейся ситуации не было. Руководством по эксплуа-

тации полигона предусматривалась работа авиации по стрелковому полю как с боевым курсом 60, так и с боевым курсом 240, и полк на полигоне неоднократно работал как с одним, так и с другим курсом. Беда была в другом. При изменении курса на противоположный менялся порядок нумерации мишеней на стрелковом поле. Нет, для лётчиков как раз всё оставалось неизменным: левая мишень в верхнем ряду оставалась мишенью № 1, а крайняя правая в нижнем ряду – мишенью № 25. Но фактически получалось, что мишенная обстановка перестраивалась и мишень № 1 становилась мишенью № 25, и, соответственно, наоборот.

Естественно, сидящему в блиндаже у пульта дистанционного подрыва Витьке никто донести изменения в нумерации мишеней не удосужился.

* * *

Первый же вышедший на полигон самолёт благополучно разнёс в щепки мишень в соседнем ряду. Следующий – вообще промахнулся почти на полкилометра.

Командир полка разве что не грыз телефонную трубку.

– Дрыщ!! Ты что творишь, скотина?! Ты на что там нажимаешь?! Я тебе, сука, руки от жопы потрываю!!

А Витька не мог понять, чего от него хотят. Он исправно и своевременно нажимал соответствующие тумблеры на пульте.

Следующими на полигон вышло снайперское звено – гордость командира полка – асы, способные поразить любую цель в любых погодных условиях. Надо ли говорить, что ни один из асов не попал в свою мишень. Глядящий на всё это безобразии в бинокль, генерал кривил свои мясистые губы всё брезгливее. По всему его облику было ясно видно, что ничего иного от этой авиации он и не ожидал. Тоже мне... «авиация»! Бездельники! Дармоеды! Только и могут, что спирт жрать да шоколадом закусывать! На плац! Всех на плац! И сутками! Сутками бетон топтать!

– Дрыщ!!! Сволочь!!! – шипел в трубку командир, – Я из тебя чучело набью!!! Я тебя сейчас самого вместо мишени на стрелковом поле поставлю!!!

Окончательно потерявшийся, ничего уже не соображающий Витька перестал вообще слушать какие-либо команды и стал нажимать тумблеры на пульте в произвольном порядке. Как это ни странно, но дела сразу пошли лучше: раза два – в полном соответствии с законом вероятности – Витька даже угадал.

Но в итоге стрельбы полком были, конечно, позорно провалены.

У Витьки оставался лишь один-единственный шанс хоть как-то реабилитироваться перед командованием. Для этого ему было необходимо завалить комиссию рыбой буквально по горло. И Витька позвонил руководителю полётов.

– Чего тебе, Дрыщ? – брезгливо поинтересовался поднявший телефонную трубку РП.

– Товарищ подполковник, а скажите, кто по озеру сегодня работать будет?

РП сверился с плановичкой.

– Майор Михайленко.

– Товарищ подполковник! – заторопился Витька. – Передайте ему, пожалуйста, чтобы он что-нибудь помощнее сегодня в озеро кинул! «Двухсотпятидесятку», например!.. Чтоб рыбы побольше!..

– «Двухсотпятидесяток» сегодня в плановой нет, – охладил Витькин браконьерский азарт руководитель полётов.

– Ну, хотя бы «соточку»! – взмолился прапорщик.

– Ладно, Дрыщ, не дрищи... – успокоил Витьку РП, он, как и все в гарнизоне, был крайне заинтересован в положительном исходе работы комиссии. – Сейчас с кем-нибудь передам. Будет тебе помощнее.

РП положил телефонную трубку и взял «соску» передатчика.

– 706-й, – окликнул он уходящий с полигона самолёт.

– Ответил.

– 706-й, передайте 701-му, чтобы он в крайнем заходе отработал по удвоенному варианту... Как поняли?

– Понял, – откликнулся 706-й. – По удвоенному. Передам...

* * *

Когда комэска первой майор Михайленко вышел на полигон, Витька в низком старте уже ждал, затаившись в зарослях прибрежного камыша.

Самолёт сделал заход на озеро и кинул бомбу. Бухнул взрыв.

– Сволочи! – возмутился Витька; он по мощностю взрыва сразу определил, что в озеро упала обычная «семьдесятпятка». – Бомбы помощнее им жалко! Жлобы! Спичкомеры!..

Но ругаться было бесполезно, а поспешать надо – оглушённая рыба, особенно крупная, долго на поверхности не плавает. Витька оттолкнулся от берега и заработал вёслами.

Он уже был на полпути к месту взрыва, когда

услышал звук пикирующего самолёта и, оглянувшись, увидел заходящий в атаку истребитель и отделившуюся от него чёрную точку бомбы. Витька бросил вёсла, закрыл голову руками и зажмурился.

Бомба рванула метрах в пятидесяти от лодки.

Лодку подняло на дыбы. На Витьку обрушились целые водопады тёплой озёрной воды.

– Охренеть! – трясая головой, пробормотал оглушённый прапорщик...

* * *

Майор Михайленко заметил в перекрестии прицела лодку, когда что-либо менять уже было поздно – гашетка боевого сброса была нажата и бомба ушла в свободное падение.

Поспешно выведя самолёт из пикирования, комэска заложил боевой разворот и оглянулся через плечо: слава богу, лодка была цела – бомба легла с небольшим недолётом.

Решив поподробнее рассмотреть место действия, – мало ли чего, а вдруг Витьку ранило! а вдруг лодку посеколо осколками и прапорщик тонет! – Михайленко выполнил очередной заход и вновь перевёл самолёт на снижение...

* * *

Вытряхнув из ушей воду, Витька вновь услышал звук самолётного двигателя. Он поднял голову – самолёт разворачивался на третий боевой заход.

– Убийцы! – вытаращив глаза, выдохнул прапорщик, он понял, что командование полка решило таким образом свести с ним счёты.

Витька схватился за вёсла. Так быстро в своей жизни он ещё не грёб никогда. Витька, напрягая все жилы, выворачивая руки из плеч, яростно махал вёслами, а сзади, нарастая, усиливаясь, выверливая мозг, надвигался, давил, буравил душу звук пикирующего на цель истребителя...

* * *

Майор Михайленко плавно планировал в сторону озера, когда заметил, что по его поверхности движется лодка. «Моторка!..» – удивился комэска. Удивление его было понятно. Михайленко не раз бывал на «Амаранке» и отлично знал, что в полигонном хозяйстве нет ни одной моторной лодки. И

только снизившись до предельно малой высоты и пройдя практически над самой водной поверхностью, он рассмотрел резводвигающуюся по озеру резиновую лодку, а в ней – бешено машущую короткими вёслами маленькую человеческую фигурку в тёмно-синем комбинезоне. В последний момент человек оглянулся, и комэске показалось, что он даже разглядел огромные – на пол-лица – полные ужаса глаза полигонного прапорщика...

* * *

После бесславно закончившейся московской проверки Витьку с позором выгнали с полигона. Уволить его, конечно, не уволили, но назначили на ничтожную должность в одном из батальонов обеспечения. Начальство ещё долго дулось на него, а командир полка при встрече с неудачливым хорунжим так просто мгновенно свирепел и начал шипеть и плевать, как перегретый утюг.

– Таких, как он... – говорил про Витьку на совещаниях командир, и тяжёлые желваки начинали ходить на его скулах. – Таких, как он, надо не учить и не перевоспитывать. Их надо загонять обратно в матку и делать на хрен аборт!..

Впрочем, оказалось у этой истории и одно положительное последствие: теперь уже никто в гарнизоне не называл Витьку обидной кличкой «Дрыщ» – за прапорщиком отныне и навсегда закрепилось вполне пристойное и даже где-то уважительное прозвище: «Витька-Глиссер»...

Гысь

Однажды наш знаменитый гарнизонный охотник Боря Петров, вернувшись с очередной охоты, рассказал жене, что видел в лесу рысь. «Гысь», – сказал Боря (он у нас слегка картавил). – Здог'овая, сволочь!..» Жена поинтересовалась – опасный ли зверь эта рысь? «Очень! – опрометчиво сказал Боря. – Гысь гог'аздо опаснее волка. Она устг'аивает засады на дег'евьях и бг'осается на жег'тву свег'ху». Тогда жена спросила – нападает ли рысь на людей? «Бывает... – широко зевая после многочасовой прогулки по лесу и сытного обеда, ответил Боря. – Г'едко, но бывает, – и добавил: – Гысь удаг'ом лапы может сломать человеку шею...» После чего Боря отправился в спальню вздремнуть, а его жена, сунув ноги в валенки и схватив в охапку пальто, торопливо выскочила за дверь.

Через полчаса весь городок был, как говорит-

ся, «на ушах». Ещё бы! В окрестностях гарнизона рыскал опасный кровожадный хищник. Он устраивал засады на людей и запросто перешибал лапой шею зазевавшимся прохожим!..

Вечером на квартиру к командиру полка заявлялась делегация взволнованных женщин. Они просили, нет, они требовали, чтобы командир завтра же организовал прочёсывание ближайших лесов на предмет поиска и уничтожения опасного хищника. Также они требовали, чтобы каждый транспорт с детьми, отправляющийся в Сосновку, где располагалась школа, отныне сопровождал вооружённый автоматом офицер.

Командиру удалось слегка успокоить растревоженных представительниц прекрасной половины человечества. Он объяснил, что дикие звери никогда не нападают на автомобильный транспорт. Они попросту боятся машин. А что касается прочёсывания леса, командир пообещал завтра же переговорить с председателем местного охотколлектива на предмет организации охоты в ближайшие выходные дни. В заключение разговора командир посоветовал женщинам больше внимания уделить разъяснительной работе среди тех же детей на предмет недопустимости одиночного хождения в лес.

Тем не менее на следующее утро некоторые мамы не пустили своих детей на отъезд в Сосновку. По принципу: «Мало ли чего!..» Дети плакали и рвались в школу. Они знали!..

Ну а в школе по требованию родительской общественности во всех классах были экстренно проведены обязательные «пятиминутки», на которых учителя рассказывали детям о подстерегающей их в лесу опасности, о повадках коварного хищника и о возможных трагических последствиях встречи с ним. Были показаны интересные картинки и даже один, очень кстати нашедшийся в кабинете биологии, диафильм. Дети слушали так, как никогда не слушали во время уроков – затаив дыхание и открыв рты. И результаты не замедлили сказаться.

Это был единственный на моей памяти день, когда весь школьный транспорт – и автобус, и оба «кунга» – вернулся из Сосновки пустыми: все школьники, включая самых маленьких малышей, сразу же после занятий рванули в лес – искать рысь.

Бедная рысь! Действительно, кого она могла до этого встретить в лесу? Разве что только охотника. А охотник – это не более чем обыкновенный человек с ружьём. Он ходит по лесу тихо и ведёт себя вполне адекватно. Максимум, что он

может сделать, так это убить. Но он не завывает одновременно на сорок голосов и не орёт диким хором: «Кися-а-а-а!!! Выходи-и-и!!!» Он не стучит дубиной по сосновым стволам с целью согнать «кисю» с дерева. Он не раскапывает сугробы, не тычет палкой в дупла и не разбрасывает по кустам отвратительно пахнущие недоеденные столовские котлеты.

Короче, после такой экстремальной «экскурсии» искать бедную «кисю» надо было уже не возле нашей Орловки, а где-нибудь километров за триста, в районе Экимчана. Во всяком случае, ни Боря Петров, ни другие орловские охотники рысь в окрестностях нашего гарнизона больше никогда не видели.

Белая попка

Дело было в конце сентября.

Утром, в ожидании отъезда на аэродром, мы сидели в «кунге» и как обычно азартно шлёпали картами. До обозначенного времени отъезда оставалось ещё минут пять-семь, и «кунг» был заполнен только наполовину – лётчики постепенно подтягивались к машине из лётно-технической столовой.

Рядом с нами томилась ожиданием пятёрка игроков – им не хватало ещё одного человека, чтобы начать игру. Карты уже были розданы, шестая кучка карт сиротливо лежала на краю лётного портфеля в ожидании своего хозяина. Наконец дверь распахнулась и по лесенке в кузов поднялся майор Бахур. Игроки оживились – Иван слыл в гарнизоне картёжником азартным и опытным. Но против обыкновения, всегда весёлый и жизнерадостный Иван на этот раз ни с кем в «кунге» даже не поздоровался. Более того, не ответил ни на чьи приветствия. Наконец, что уже и вовсе было странно, он, проигнорировав настойчивые приглашения пятёрки игроков, молча сел в угол и, положив на колени свой пузатый замполитский портфель, уставился прямо перед собой ничего не видящими, остановившимися глазами. Вид у Ивана был странный, какой-то взъерошенно-растерянный.

– Вань!.. Ва-ань!.. Бахур!! – наконец дозволялся его обеспокоенный видом своего замполита комэска третьей. – Ты, часом, не заболел?

– Мужики, – обвёл нас удивлёнными глазами очнувшийся Иван. – А ведь меня сейчас самую малость не убили...

В «кунге» наступила мёртвая тишина. Все повернулись к Бахуру.

– Рассказывай! – потребовал Земляков.

И Иван, то и дело сбиваясь от волнения, рассказал.

В это утро он, как обычно, вышел на утреннюю пробежку: до озера и обратно – в общей сложности примерно километра три.

Час был ранний, солнце ещё не взошло, и в лесу стояли дремотные густые сумерки.

Бахур неторопливо бежал по хорошо утопанной широкой лесной тропе, полной грудью вдыхая свежий, уже почти морозный, утренний воздух и думая о чём-то своём, незначительном, когда справа вдруг грохнул выстрел и что-то шархнуло в сосновый ствол буквально в метре впереди. Иван рухнул как подкошенный, стараясь не дышать и лихорадочно соображая: что бы это могло быть и, главное, – что делать?! В лесу после выстрела стояла оглушительная тишина, испуганно молчали птицы; казалось, даже ветер перестал раскачивать верхушки сосен. И в этой тишине Бахур, обмирая, отчётливо услышал сначала тихий металлический щелчок, а потом – чьи-то осторожные шаги: кто-то крадучись шёл к нему, стараясь как можно мягче ступать по жёсткой, предательски шуршащей осенней траве. «Добиная дождёт!» – мелькнула в голове у Ивана страшная догадка. Шаги приближались. Медлить было нельзя ни секунды. Под ногой убийцы хрустнула ветка, и Бахур, резко вскочив и пригнувшись, метнулся в противоположную сторону. «Бдах!!! Бдах!!!» – оглушительно грянули один за другим два выстрела. Над головой взвыл смертоносный металл. Иван упал, поднялся, снова упал и, вскочив, заметался, запетлял между деревьями. Сзади торопливо заклацали курки перезаряжаемого ружья. «Двустволка... – догадался Бахур. – Секунд десять в запасе есть...» Он перестал петлять и, закрыв лицо руками, рванул напрямик через кусты. В ушах засвистел ветер, ветки жёстко хлестали по ладоням. За что-то зацепившись, с треском порвалась ветровка. «Только бы не споткнуться!.. Только бы не споткнуться!..» – лихорадочно стучало в голове у Ивана. Выстрелов больше не было. Промчавшись по прямой метров триста, Бахур резко свернул влево и, сбавив скорость и стараясь не шуметь, побежал назад к гарнизону, всё время напряжённо прислушиваясь и поглядывая в ту сторону, где остался неизвестный киллер. На всякий случай Иван сделал приличный крюк и, обогнув ближнюю сопку, выскочил к домам с другой стороны гарнизона.

– Домой прибежал – мокрый весь, хоть выжимай, – закончил свой короткий рассказ Бахур. – А в столовую пришёл – есть не могу, руки трясутся, вилку не могу удержать, – и он вытянул перед собой ладонь с растопыренными пальцами – пальцы заметно подрагивали.

Напряжённая тишина, царившая в «кунге» на протяжении всего рассказа, взорвалась. Со всех сторон посыпались комментарии и предположения.

– Вань, а ты, часом, ни к чьей жене клиньев не подбивал? – высказал самую правдоподобную версию начальник штаба первой Беличенко. – Может, это какой-нибудь рогоносец злопамятный?

Бахур испуганно затряс головой.

– Это кто-то из местных, – кровожадно прищурив глаз, предположил Серёга Выдыш. – Из потомков раскулаченных. Комиссарам мстит.

В «кунге» заспорили. Случай действительно был, как говорится, из ряда вон, и у каждой точки зрения нашлись свои сторонники и оппоненты. В самый разгар спора на пороге возникла высокая фигура Бори Петрова.

– Всем пгивет! – перекрыл нестройный хор голосов зычный Борин голос. – Что за шум, а дг’аки нет?

– Да тут с утра такие новости... – начал объяснять ему сидевший с краю Мишка Сорокин, но Боря недослушал.

– Это всё фигня! – жестом остановив Сорокина, безапелляционно заявил он. – Главная новость у меня! – он сел и, дождавшись относительной тишины, мечтательно произнёс: – Мужики, у меня сейчас такая фишка на охоте случилась – за-ка-ча-ешься!

Разговоры в «кунге» смолкли. Все знали Боря как прекрасного остроумного рассказчика, и народ приготовился слушать очередную из бесконечных охотничьих Бориных баек.

Боря, поёрзав, устроился поудобнее, оглядел притихший «кунг» и принялся излагать.

– Пошёл это я нынче, стало быть, на охоту. Г’ано пошёл, темно ещё было. Думал, на озег’о как г’аз на заг’е выйду. А там и утка может быть, и что покг’упнее. Ага... Иду, стало быть, по лесу, никого не тг’огаю. И тут!.. – Боря сделал драматическую паузу. – Смот’гю – бежит. Нет! Сначала слышу! Бежит. Мягко так: тыгдын-тыгдын. Ага... Потом смотг’ю – олень! Кг’асавец! Метг’а два в холке, г’ога – во! – Боря вытянул над головой руки с растопыренными пальцами. – Бежит, метг’ов сто от меня, за кустами...

– Как же ты его в темноте разглядел-то? – встрял вечно скептически настроенный Серёга Выдыш. – Да ещё со ста метров и за кустами?

Боря только отмахнулся.

– Ты оленя-то хоть газ видел, пехота?! Олень, он же пг’иметный! Попка у него белая! Попку-то в сумег’ках чётко видно, – он показал рукой, как двигалась вдалеке попка оленя. – Ког’оче, смотг’ю – скачет. Ага... Ну, я г’ужьё – с плеча, упг’еждение пг’икинул и ка-ак дал! Каг’течью! Он – бг’ык! – лежит. Стало быть, попал. Ага... А у меня во втог’ом стволе – дг’обь, «дуст», десятка – на утку там, на птицу г’азную. Ага... Я быстг’ее г’ужьё пег’езаг’яжать – в оба ствола каг’течь, а сам потихоньку к оленю иду. И тут он ка-ак вскочит! Ка-ак чег’ез кусты ломанёт! Я – навскидку – шаг’ах! шаг’ах! В голову целил. А он, как заговор’енный, – и пошёл, и пошёл! Только попка белая скачет: ввег’х-вниз, ввег’х-вниз!..

– Попка?! – раздался пронзительный вопль из угла, где сидел Бахур, и Иван с перекошенным лицом ястребом налетел на Петрова. Схватив Боря за грудки, он принялся яростно трясти охотника. – Я тебе покажу попку!! Я тебе такую попку сейчас покажу!! Браконьер хренов!!

– Ты чего?! Ты чего?!.. – откинувшись назад, ошеломлённо отбивался Боря от разъярённого замполита. – Мужики! Да чего он?!

– Чего я?! – не унимался Иван. – Сволочь!! Белая попка!! – он особенно сильно встряхнул Петрова. – Шапочка это была моя!! Понимаешь ты, охотник хренов?! Шапочка это была моя белая!! А никакая не попка!! Я в белой шапочке бегаю всегда!! Ты же меня, паразит, чуть не завалил!!..

Взбешённого Бахура с трудом оттащили от Бори. Но всю дорогу до аэродрома Иван шипел, плевался и время от времени выкрикивал из своего угла в сторону незадачливого охотника всякие обидные слова.

– Ишь, браконьера пригрели в гарнизоне!.. – кипятился Иван, и было уже не совсем понятно, что больше всего задело замполита третьей: то, что в него стреляли; то, что в него стреляли, но не попали; или то, что его приняли за белопопного оленя. – Ружьё таким охотникам об голову надо ломать!! По живым людям стрелять вздумал!.. Очки купи себе, «робингуд» слепорылый!!.. Стрелять научись, мазила криворукая!!.. Попка, видите ли, у меня белая!!.. Рога у меня, понимаешь, вот такие!!..

В общем, белую попку оленя Боре в гарнизоне припоминали ещё долго.

А Ваня Бахур свою приметную спортивную шапочку всё-таки вскоре поменял. На тёмно-синюю.

Чёрное безмолвие

Квартиры в Орловке были оборудованы титанами. Топить титаны полагалось дровами или углём. Замечаете нестыковочку? На дворе конец двадцатого века, полк летает на реактивных сверхзвуковых истребителях, а тут – дрова и уголь. Пытливый ум жителей авиационного гарнизона, конечно, не смог пройти мимо подобного противоречия, и местные «кулибины» придумали замечательное усовершенствование, превращающее допотопный титан в продукт, как бы сейчас сказали, высоких технологий.

Изобретение представляло собой горелку в виде плоской спирали с рядом калиброванных отверстий. К спирали через трубку подводился авиационный керосин (которого, как вы сами понимаете, в авиационном гарнизоне было хоть залейся). Горелку помещали горизонтально в печке титана. Керосин к спирали поступал самотёком, для чего канистру с топливом располагали выше уровня горелки. В итоге получалась достаточно простая, но эффективная конструкция, не требующая при своей эксплуатации особых усилий и затрат. Поскольку теплоотдача керосина в разы превышает теплоотдачу угля, и тем более дров, то нагревало титан подобное устройство не за час-полтора, а за десять-пятнадцать минут. Владельцу «реактивного» агрегата оставалось только следить, чтобы вода в титане не выкипала. Ну а добавление к конструкции агрегата регулировочного краника на выходе из канистры (что позволяло изменять мощность горелки) и вовсе делало агрегат автономным, практически не требующим контроля.

Новички, приезжающие в гарнизон, некоторое время помучившись с дровами и углём, в конце концов перенимали опыт старожилов, и большинство орловских квартир, особенно те, где жили семейные пары с детьми, были оборудованы подобными «ноу-хау». Поэтому вид офицера, едущего на аэродром или с аэродрома с пяти- либо десятилитровой канистрой в руках, в Орловке абсолютно никого не удивлял.

Вообще-то, керосин горит плохо. Хорошо горят пары керосина. Это вам подтвердит любой конструктор реактивных двигателей или хотя бы вон тот древний дедушка, сидящий на скамеечке и полжизни имевший дело с коптящим керогазом. Поэтому в эксплуатации керосиновых горелок была одна небольшая, но довольно существенная особенность – у них были проблемы с запуском. Обычно процесс розжига горелки выглядел так: под спираль подкладывали бума-

гу, поджигали её и слегка приоткрывали кран на канистре; керосин начинал поступать в спираль, вытекал через отверстия, капал на горящую бумагу и, испаряясь, загорался; спираль постепенно разогревалась; керосин начинал испаряться ещё на подходе к отверстиям, и через отверстия шли уже керосиновые пары, которые тут же воспламенялись. В итоге спираль раскалялась, и пламя становилось устойчивым. После чего краником можно было отрегулировать необходимую мощность горелки.

Но бывало так, что по какой-то причине пламя гасло, а керосин продолжал поступать в спираль и испаряться. Таким образом, в печке скапливались керосиновые пары, и попытка сунуть туда зажжённую спичку заканчивалась обычно плачевно. Время от времени утром на построении появлялся безбровый и безресничный офицер, и окружающие без лишних вопросов понимали: это – «погорелец», грубо нарушивший меры безопасности при розжиге керосиновой горелки.

Случались и более интересные и драматичные истории, связанные с эксплуатацией нашего орловского керосинового «ноу-хау». Одну из них я вам сейчас расскажу.

Капитан Л. приехал в Орловку в начале лета 87-го. Получив квартиру, Л. быстро сделал в ней ремонт и в конце августа перевёз в Орловку семью – жену с дочкой.

Капитан Л. был опытным офицером, Орловка была далеко не первым гарнизоном в его жизни, и Л. хорошо знал, что главное на новом месте – это удачно пережить первую зиму. Поэтому он сосредоточил усилия на утеплении своей квартиры. Разумеется, столь замечательное местное «ноу-хау», как керосиновая горелка, не могло ускользнуть от пристального внимания приметливого орловского новичка.

Капитан Л. был инженером, к тому же он служил в ТЭЧ (техничко-эксплуатационная часть), и ему, конечно, не составило большого труда сделать по чертежам сослуживцев подобный агрегат. Горелка была установлена в титан, опробована и введена в эксплуатацию. Жена Л. была тщательно проинструктирована и после сдачи соответствующего зачёта допущена к тонкому процессу розжига горелки. Все были довольны.

Однако пришедшие холода показали, что не всё в быту семьи Л. столь радужно. Титан исправно согревал кухню и в изобилии давал горячую воду, но остальные комнаты квартиры оставались холодными. Установленные в них электри-

ческие обогреватели не спасали положения. Ситуация требовала радикального решения.

Капитан Л. был предприимчивым человеком. Я бы даже сказал – очень предприимчивым, поскольку ему каким-то образом удалось в условиях отдалённого гарнизона и царящего в стране всеобщего дефицита добыть второй титан и, в придачу к нему, несколько колен жестяных дымоходных труб. Титан был оперативно установлен в большой комнате, а труба от него, обмотанная асбестовыми полотнищами, выведена в окно. Снабжён был новый титан и новой керосиновой горелкой. В комнате теперь чуток паховало керосином, но зато было тепло, как в Африке. Вопрос с обогревом был решён. Капитан Л. сиял. Жена называла его «мой гений» и целовала в гладкую щёку.

Но вскоре оказалось, что не все разделяют радость предприимчивого капитана.

– Убрать! – коротко приказал начальник гарнизона, увидев весело дымящую трубу, торчащую из окна четвёртого этажа.

Капитан Л. попытался возражать, но был не понят.

Придя домой, Л. с тяжёлым сердцем принялся демонтировать своё детище. Взгляд его случайно упал на вентиляционную отдушину под потолком, и в то же мгновение в мозгу у капитана – противопехотной гранатой – разорвалась блестящая до ослепительности идея. Л. схватил листок бумаги, вскочил на табурет и приложил бумагу к вентиляционной решётке. Листок присосало – тяга была. «Эврика!» – закричал капитан, но, в отличие от своего сиракузского коллеги, не побежал голым на улицу, а принялся быстро и чётко переделывать систему «титан-труба». Титан был передвинут ближе к отдушине, дымоход выведен в вентиляционную систему, отверстие в окне застеклено. Пробная топка показала отличный результат – дым через систему вентиляции уходил даже лучше, чем через законную трубу, которую время от времени всё-таки задувало ветром. Человеческий гений победил. Титан исправно работал, тепло разливалось по квартире, и жена вновь целовала капитана Л. в гладковыбритые щёки.

Как здесь уже отмечалось, квартира капитана Л. располагалась на четвёртом этаже. В квартире над ним проживал майор И., который на момент описываемых событий, на свою беду, находился в отпуске. Вместе с женой. Примерно через месяц ничего не подозревающие супруги вернулись с «большой земли» и, поднявшись к себе на пятый этаж, открыли дверь своей квартиры.

В нос им ударил сладковато-едкий запах сгоревшего керосина, а перед их изумлёнными глазами предстало Царство Сажи.

Сажа была везде. Она толстым – десятисантиметровым – слоем стелилась под ноги. Она густой бахромой окутывала ковры и шторы. Она лежала на всех горизонтальных поверхностях. Она была даже на потолке. Паутины, превращённые сажей в толстые пушистые верёвки, свисали с люстр и опутывали углы. Сквозь заросшие сажей окна пробивался неверный потусторонний свет. Зеркало в прихожей напоминало «Чёрный квадрат» Малевича. Это была уже не квартира – это была декорация к фильму ужасов, продукт Абсолютной Тьмы, Великое Чёрное Безмолвие.

От открытых дверей потянуло сквознячком, и чёрные верёвки пришли в движение, закачались; над полом взметнулись чёрные смерчки; с потолка посыпался чёрный сажевый снег. Стоящая за плечом майора И. жена заголосила...

Керосиновая копоть – очень въедливая штука. Так что из всей обстановки квартиры майору И. удалось спасти лишь то, что имело гладкую полированную поверхность. Все ковры и всю мягкую мебель пришлось выбросить. Пришлось выбросить и большую часть одежды и белья, ибо керосиновая копоть пробралась и в шкафы. А в самой квартире пришлось делать капитальный ремонт.

Капитан Л. был порядочным человеком. Так что, когда в 90-м году, через три года после описываемых событий, я уезжал по замене из Орловки, он всё ещё продолжал выплачивать майору И. компенсацию за испорченное имущество.

Гетеродинчик

Однажды летним вечером в нашей холостяцкой обители появился Василий Крупин. Василий покинул стены нашей квартиры совсем недавно, женившись на дочке командира одной из частей гарнизона. Наш бывший приятель-холостяк, находившийся на тот момент в законном отпуске, заглянул в комнату, где мы играли в преферанс, и задал присутствующим вполне безобидный вопрос: кто, мол, сообщает в починке телевизоров?

– Сдох, сволочь! – посетовал Василий на свой телевизионный приёмник. – Полосы всё время по изображению идут. Смотреть невозможно!.. Ну, что? Кто отличает конденсатор от сопротивления?

Никто из присутствующих особого энтузиазма по поводу сложившейся ситуации не высказал – выходило, что конденсатор от сопротивления в нашей квартире если и отличали, то с большим трудом.

– А я тут пива вчера из Благовещенска привёз.

«Рижского». Целый ящик, – задумчиво произнёс Василий. – Вот, думал взлохматить его под починку телевизора... Ну, на нет и суда нет. Пойду в «тридцать пятую» схожу – там точно не откажутся...

– Подожди-подожди!.. – наперебой заголосили мы, бросая карты. – То есть как это: «суда нет»?! Ещё как есть! Какая ещё на фиг «тридцать пятая»?!..

Ситуация резко поменялась. Теперь все присутствующие с трудом сдерживали рвущиеся наружу радиотехнические знания и жажду починки телевизионных приёмников любого вида и любой степени неисправности. Пришлось даже кидать жребий, дабы выбрать двоих, самых достойных этой почётной миссии. Жребий пал на меня и на Саньку Дамрина. Остальные желчно завидовали.

– Погубят они тебе телевизор, горе-мастера! – недобро щурясь, заявил Василию Лёха Суханов. – Как есть погубят!

– Развалят до основания, – вторил ему Серёга Гасан. – По винтикам разберут, лиходеи, а потом соберут... в мешок. Меня надо было брать, уж я б тебе... Давайте перетянем жребий!

Но мы с Дамриным были непреклонны. Жребий есть жребий, и нечего тут... после драки кулаками!..

Ситуация для починки телевизора складывалась самая благоприятная: на ближайшие два дня полётов запланировано не было – у нас шла наземная подготовка, и мы с Василием условились, что придём к нему завтра домой пораньше, часиков в девять утра, чтобы, во-первых, не откладывать дело в долгий ящик, а во-вторых, иметь для починки телевизора побольше времени.

Утром мы с Дамриным отловили в лётной столовой своего комэску и, сообщив ему, что у нас прорвало водопроводную трубу, – в два голоса, напористо, упирая на срочность, авральность и даже катастрофичность ситуации, – отпросились со службы до обеда.

В девять ноль-ноль мы, вооружённые до зубов паяльниками и отвёртками всех видов и размеров, уже стояли на пороге Васькиной квартиры. Нам не терпелось приступить к ремонту.

Установив неисправный телевизор на стол и сняв заднюю крышку, мы посчитали первый этап починки выполненным и решили слегка отвлечься на «Рижское». Тем более что приятным и уместным дополнением к «Рижскому» была наловленная и навяленная Василием в отпуске рыбка.

Когда половина бутылок опустела, мы вспомнили о телевизоре.

– А ну-ка, дай-ка мне отвёртку, – приближаясь

по замысловатой траектории к неисправному телевизионному приёмнику, решительно произнёс Санька. – Да не эту! Вон ту – побольше!.. Так... Что у нас тут?..

Он склонился к оголённым телевизионным тылам и уверенно заработал инструментом.

Его усилия не пропали даром – изображение исчезло совсем.

Тогда мы выпили ещё, и я, отодвинув горе-мастера в сторону, взял руководство починкой в свои руки. Дело сразу пошло веселее – в телевизоре пропал и звук.

Пришлось ещё выпить «Рижского».

– Эх вы! – подвёл черту под нашими стараниями хозяин квартиры. – Слабаки! Смотрите, как надо! – он вооружился отвёрткой и плоскогубцами и, бормоча: «Всё сам!.. Всё сам!..», по плечи погрузился в телевизионные внутренности.

Сначала появилось изображение.

Мы выпили за изображение.

Потом Василий восстановил звук.

Мы обмыли звук.

– Развёрточку ещё надо подправить, – озабоченно размышлял Василий, глядя на экран и задумчиво обсасывая рыбий хвостик. – Развёрточка гуляет...

Мы принялись в два голоса его убеждать, что, мол, и так сойдёт, что от добра добра не ищут и что изображение, в общем-то, вполне приличное.

– Нет-нет, надо подправить... – покачал головой Крупин. – А то потом руки ещё нескоро дойдут... Там, я знаю, гетеродинчик такой есть, его покрутить надо...

Обсосав хвостик, он вновь вооружился инструментами и склонился над развороченными телевизионными кишками. Мы, потягивая холодное пиво, любовались нашим одарённым во всех отношениях товарищем...

Вспышка была мощной. Василий отлетел от телевизора и приземлился аккуратно на свой стул. Отвёртка, просвистев над моей головой, ударилась в стену, выбив из оной изрядный кусок штукатурки. Телевизор заткнулся и погас. Комнату заволочло едким сизым дымом.

Последовавшая за этим пауза насчитывала не менее ста пятидесяти тактов. Василий, хлопая глазами, всё пытался пригладить вставшие торчком на голове волосы; мы с Санькой просто потерянно молчали, переводя взгляд с погибшего телевизора на его хозяина и обратно.

– Сволочь! – наконец справился со своей причёской Василий. – Чтоб тебя!..

Он поднялся со своего места и пнул стол, на котором стоял телевизор. В телевизоре опять что-то затрещало, и дым пошёл ещё гуще и ещё ядовитее. Санька пошире распахнул балконную дверь.

Остатки пива допили в похоронной тишине.

– Ну и что? Куда мне его теперь? – задал скорее риторический вопрос Крупин. – Скоро жена с работы придёт, а тут...

– В окно выкинуть, да и вся недолга, – ляпнул без задней мысли Дамрин.

Мы уставились друг на друга. Идея была что надо!

– Саня, ты гений! – констатировал Василий. – Представляешь, как бабахнет!

Наше настроение резко пошло на поправку. Наступая друг другу на ноги, толкаясь и хихикая, мы выволокли несчастный телевизор на балкон и, поставив на перила, по счёту: «...Три!» столкнули его вниз.

Этаж был пятый. Телевизор, кувыряясь в воздухе и мотая, как хвостом, белым электрическим шнуром, преодолел пятнадцать метров по вертикали и грянулся на асфальт. С оглушительным хлопком взорвался кинескоп. Со звоном и стуком разлетелись осколки корпуса и разнообразные радиодетали. Где-то взвизгнула женщина. Снизу слышались одобрительные аплодисменты. Мы оторвались от завораживающего зрелища и огляделись. Как раз напротив нас, на противоположной стороне улицы, на входе в столовую стоял весь лётный состав полка во главе с первым заместителем командира. Тут же стоял и наш комэска.

Закончив аплодировать, комэска поднял руку и, недобро прищурившись, поманил нас пальцем. И мы почему-то сразу поняли, что праздник для нас закончился и начались очень серые и очень печальные будни...

Как хорошо быть генералом!

Летом 1989 года Главкомом ВВС было принято решение о проведении для высшего командного состава военно-воздушных сил показательных сборов по изучению вопросов организации охраны и обороны аэродромных объектов. Какая шлея попала тогда под мантию главкому, я сказать не могу, но местом проведения сборов он определил не подмосковную Кубинку и даже не хабаровский «10-й участок», а нашу богом и начальством забытую Орловку.

Получив соответствующую телеграмму, наш командир полка начал сесть, ещё даже не дочитав текст до конца. Проведение сборов подобного уровня предполагало приезд в Орловку командующих всех воздушных армий и всех командиров авиационных дивизий. Само собой, предполагался приезд если и не самого главкома, то, по крайней мере, одного из его заместителей. О состоянии охраны и обороны в Орловском гарнизоне, обо всех этих окопах, стационарных огневых точках и заграждениях на тот момент без слёз говорить не приходилось. Командир полка это отлично знал. А потому он уже видел себя показательно посаженным на кол заботливыми руками главкома или распущенным на ленточки для бескозырок острыми зубами его помощников и замов. Только благодаря своей уникальной выдержке и чудовищным усилиям воли командир не застрелился сразу после первого абзаца, а заставил себя дочитать телеграмму до конца. И между прочим, правильно сделал, поскольку в самом конце телеграммы он с непередаваемым облегчением прочитал пролившиеся целебным бальзамом на его изрубцованное шрамами, изболевшееся командирское сердце слова: «Ответственным за подготовку и проведение мероприятия назначается начальник штаба 1-й Воздушной армии генерал-майор...»

На следующий день в Орловку прилетел означенный в телеграмме начальник штаба армии. Ознакомившись с состоянием дел, он тоже начал интенсивно сесть, не забывая при этом проделывать с командиром полка различные неаппетитные штуки, подробно описанные в «Инструкции по обращению с провинившимися подчинёнными», известной большинству продвинутых читателей под её вторым – историческим – названием: «Молот ведьм». Понимая, что это – наименьшее из возможных зол, командир стоически терпел.

Оттянувшись на командире полка и слегка подуспокоившись, начальник штаба армии засучил рукава и принялся за наведение порядка. Через два дня откуда-то из-под Биробиджана в Орловку прибыл инженерный батальон со всей своей землекопательной и камнедробительной техникой. Одной роте батальона тут же была поставлена задача по восстановлению заградительного периметра вокруг аэродрома и по углублению фортификационных сооружений в эскадрильских зонах рассредоточения. Вторая рота была в полном составе брошена на дежурное звено.

Дело в том, что по сценарию сборов высшему

командному составу, кроме всего прочего, должны были показать действия личного состава дежурных сил по отражению нападения вражеской диверсионной группы на дежурное звено. Поэтому первым делом встал вопрос по сооружению смотровой площадки, откуда высокие гости смогли бы наблюдать за разворачивающимся действием. Инжбатовцы подошли к решению проблемы прагматично и без особых затей – они просто срезали земляную верхушку одного из самолётных капониров дежурного звена и соорудили на образовавшейся горизонтальной площадке деревянный помост с перилами. К помосту по склону капонира проложили широкую деревянную лестницу. Кроме того, дежурное звено было по всей науке обнесено двойным забором из колючей проволоки, а вся территория щедро изрыта блиндажами, закрытыми и открытыми огневыми точками и многочисленными ходами сообщения такой глубины, что по ним могли бы скрытно передвигаться, не спешиваясь, конные разъезды.

Если читатель думает, что все работы по подготовке к сборам велись только силами инжбата, то он глубоко заблуждается. Хватало работы и нам. Все полёты на нашем аэродроме, разумеется, были отменены. Продолжительность рабочего дня была первоначально установлена в двенадцать часов, а затем, по мере приближения ко дню начала сборов, увеличена сначала до четырнадцати часов, потом до шестнадцати, а потом всякий регламент рабочего времени был упразднён вовсе. И весь этот бесконечный рабочий день мы, забыв про еду и отдых, копали, таскали, грабали, козыряли и стояли во фрунт.

Для достоверного изображения диверсионной группы откуда-то из-под Уссурийска привезли два десятка спецназовцев, одного вида которых, в общем-то, хватало бы для выведения из строя всего личного состава нашего полка.

По сценарию игры после преодоления полос заграждения не уничтоженные огнём остатки диверсионной группы должны были пробиться к самолётной стоянке дежурных сил и там, так сказать, под крылом самолёта, сойтись в рукопашной с личным составом звена. Однако идея рукопашной вызвала здоровый скепсис со стороны «диверсантов». «Зашибём! – оглядев приготовленный на заклятие личный состав дежурных сил, коротко сказал командир спецназа – детина ростом за два метра. – Уж больно все худосочные». После чего весь технический состав дежурных сил решено было заменить теми же специа-

зовцами. Командир спецназа сгоряча предложил было заменить своими людьми и лётный состав, но командир полка решительно воспротивился. «Ты, что ли, в случае чего взлетать будешь? Или твои архаровцы?» – остановил он не в меру разошедшегося «диверсанта», и тот вынужден был отступить.

К назначенному дню сборов вроде бы всё было готово, однако само мероприятие чуть было не началось с конфуза.

Накануне вечером выяснилось, что участников сборов, возглавляемых заместителем Главкома ВВС, привезёт из Москвы самолёт Ту-154. Начальство схватилось за голову. Дело в том, что у нас на аэродроме не было ни одного самолётного трапа. Стремянки различные были. Но, согласитесь, нельзя же заставлять целого зама главкома спускаться из самолёта задом наперёд по крутой стремянке. Какой же он после этого зам главкома?! Поэтому было решено одолжить самолётный трап в Благовещенском аэропорту. Соответствующий человек с соответствующими полномочиями был срочно откомандирован в Благовещенск. Руководство аэропорта пошло военным навстречу, и следующим утром водители на трассе и многочисленные пешеходы в Благовещенске, Белогорске и Серышево были немало удивлены при виде самодвижущегося самолётного трапа, бодро скачущего по рытвинам на шоссе и лихо тормозящего на светофорах. Между прочим, расстояние от Благовещенского аэропорта до нашего аэродрома лишь немного не дотягивало до двухсот километров. Особенный фурор самобеглый трап вызвал на АЗС в районе Белогорска, куда он вынужден был заехать для дозаправки.

И вот наступил день сборов.

В назначенный час белоснежный лайнер раскрутил колёса об орловский бетон, высокие гости спустились по крытому красной ковровой дорожкой трапу, начальник штаба армии, показательно тяня носок, пропечатал пять шагов навстречу заместителю главкома и отдал рапорт. Сборы начались. Гости рассыпались по аэродрому. От обилия генеральских звёзд у личного состава полка зарябило в глазах. Золотое шитьё сверкало на солнце. Широкие голубые лампасы молниями рассекали воздух. Генералы преобладали и доминировали. Полковники были на побегушках.

После необходимой теоретической части, проходившей в штабе полка, гости проследовали в расположение дежурного звена, где их уже битый час ждал построенный по линейке личный

состав дежурных сил. Сияли начищенные до немыслимого блеска сапоги и ботинки. Сияли гладко выбритые физиономии. Сияло в ультрамариновом небе ослепительное летнее солнце. Стрижи крутили высший пилотаж. Не видимый глазу жаворонок пел хвалу высоким гостям.

Для начала участникам сборов был продемонстрирован ритуал заступления на боевое дежурство.

Мы с Толиком Грошевым, одетые в выданные накануне новенькие, с иголочки, комбезы и в остро пахнущие свежей кожей, блестящие шевретовые куртки, как и положено лётному составу, стояли на правом фланге строя. Роста мы с Толиком оба невысокого, поэтому начинающийся сразу от моего левого плеча внушительный двухметровый «забор» из старательно изображающих техсостав спецназовцев выглядел на нашем фоне ещё более внушительно.

Командир полка, раскрыв текст приказа о заступлении на боевое дежурство, начал зачитывать фамилии заступающих. Стоящие в строю соответственно отвечали.

– Командир дежурного звена – капитан Грошев, – зачитал командир.

– Я! – ответил Толик.

– Дежурный лётчик – старший лейтенант Юринов.

– Я! – откликнулся ваш покорный слуга.

– Ты что ж, полковник, лётчиков своих не кормишь? – прервал чтение приказа стоящий тут же замглавкома. – Что они у тебя такие... мелкие?

– Мелкий клещ больнее кусает, товарищ генерал-лейтенант, – тут же ответил наш командир; похоже, он был готов к такому вопросу.

– Вот как? – задрал кустистые брови генерал. – Ну-ну, поглядим... Продолжайте.

– Техник самолёта – старший лейтенант Потапов.

– Я! – рявкнул стоящий рядом со мной неопишываемых размеров детина.

Замглавкома заулыбался, бравый «старший лейтенант Потапов» ему явно понравился – видимо, это был его любимый размер.

Однако вскоре командир дошёл в приказе до рядового состава, и брови генерала опять поползли вверх.

– Механик самолёта – рядовой Ибрагимбеков.

– Я! – откликнулся стоящий в строю, одетый в форму рядового тридцатилетний мужик с абсолютной славянской физиономией.

– Водитель АПА – рядовой Бердымухамедов.

– Я! – не стал отказываться от столь стран-

ной фамилии его сосед с курносый рязанским лицом.

– Стой! – махнул рукой в сторону командира полка генерал и, подойдя к «механику», уставился на него снизу вверх. – Так ты, говоришь, – Ибрагимбеков?!

– Так точно! – подтвердил тот, непроницаемо глядя поверх головы генерала голубыми вологодскими глазами.

Замглавкома перевёл взгляд на его соседа.

– А ты, говоришь, – рядовой Кирды... Мерды...

– Бердымухамедов, товарищ генерал-лейтенант! – без запинки отбарабанил курносый «водитель АПА».

Замглавкома громко засопел носом. Запахло скандалом. Жаворонок смолк. Испуганное солнце спряталось за набежавшую тучку.

От строя сопровождающих спешно отделился командующий армией и, подскочив к высокому московскому гостю, взял его под локоток.

– Товарищ генерал-лейтенант! Степан Андреевич! Тут такая тонкость... – отвел заместителя главкома в сторонку, он что-то торопливо зашептал ему на ухо.

– А-а... Ну, раз такое дело... – оттаял генерал-лейтенант. – Что, раньше не могли сказать?! Устроили тут, понимаешь, цирк-шапито!..

Инцидент был исчерпан. Тучи рассеялись.

Командир закончил чтение приказа. Грянул гимн. Флаг ВВС взвился по флагштоку, развернулся и радостно защёлкал на ветру. Последовала команда «Напра-во!..», и личный состав дежурных сил, печатая шаг, бодро промаршировал мимо внушительной группы генералов и полковников «к местам несения боевого дежурства».

Участники сборов проследовали на смотровую площадку. С минуты на минуту должен был начаться диверсионный спектакль.

Мы с Толиком сидели в самой дальней комнате домика дежурных сил. Нашей главной задачей на следующие несколько часов было: «Не высовываться!» В общем, мы ничего против не имели, если бы не один нюанс. Время было обеденное, а никто обедом нас кормить, похоже, не собирался. В помещении столовой дежурного звена, куда мы, крадучись, пробрались, был накрыт банкетный стол для участников сборов. У стола под видом официантов священнодействовали два подполковника: наш орловский командир батальона обеспечения и какой-то тыловик из Хабаровска – оба облачённые в белые кухонные куртки и накрахмаленные до стояния колом поварские колпаки. Наше с Грошевым появление в

столовой с вполне уместным, как нам казалось, вопросом: «А когда обед?» вызвало с их стороны лишь громкое змеиное шипение и интенсивное махание руками, взволновавшее многочисленных мух, несанкционированно пробравшихся в помещение и прогуливающихся по белоснежной скатерти в ожидании банкета. Стащив с сервированного хрусталём и мельхиором стола по куску хлеба, мы, несолоно хлебавши, вернулись в свою комнатку.

Вскоре за окном затрещали автоматные выстрелы и забухали взрывпакеты.

– Началось! – вырвалось у меня.

– Показушники! – скривив губы, мрачно ответил голодный Грошев. – Диверсанты хреновы! Чтоб они там все друг друга передушили!.. – он подумал, пожевал впустую ртом и кровожадно добавил: – И генералов с полковниками заодно!..

Со слов присутствовавшего на смотровой площадке нашего командира полка, зрелище нападения на дежурное звено получилось захватывающим. Зверюги-спецназовцы, неожиданно возникнув возле самого периметра ограждения, молча и страшно пошли в атаку. Они выдирали с корнем столбы ограждения и перекусывали зубами колючую проволоку, они со свистом метали ножи и сапёрные лопатки, они ловко стреляли в падении и в кувырке, они сходились врукопашную и отчаянно лупили друг друга руками и ногами.

Нападавшие «плохие парни» – видимо, слегка увлечшись, поначалу хорошенько отмордовали оборонявшихся «хороших парней» и чуть не вытеснили их за пределы дежурного звена, но потом, вероятно, вспомнив сценарий, вернулись и стали один за другим валиться на бетонку или на аккуратно выкошенную траву и замирать в трудных, но эффектных позах.

Вскоре всё было кончено. «Плохие парни» были частично «уничтожены», а частично «взяты в плен». Зрители аплодировали стоя.

Потом мы с Толиком услышали, как затопали по коридору домика дежурных сил многочисленные ноги, послышались возбуждённые голоса, заскребли по полу отодвигаемые стулья. А потом...

А потом до нас донеслись запахи! Пахло горячим майонезом и копчёной колбасой. Пахло кальмарами и миногами. Пахло, между прочим, дорогим армянским коньяком. Помрачая своей интенсивностью и насыщенностью рассудок, прилетел головокруглительный запах жареного на углях мяса.

Мы с Толиком, сидя на жёстких табуретках в своей маленькой комнатке, жадно раздувая

ноздри, нюхали воздух, интенсивно глотали слюну и прислушивались.

До нашего слуха приглушённо доносилось звяканье ножей и вилок, звон хрустала и сдержанный застольный говорок обильно и вкусно едящих людей.

Банкет продолжался часа полтора.

Потом опять задвигались стулья, затопотали ноги, что-то со звоном упало на пол и разлетелось вдребезги. Вскоре всё затихло. К нам в дверь просунулась голова заведующей лёгкотехнической столовой.

– Мальчики, идите поешьте. Там на столе ещё много чего.

– Обьедки?! – прищурил глаз мрачный Грошев.

– Остатки, – мягко поправила заведующая.

Мы прошли в столовую.

Даже несмотря на царящий на столе разгром, стол поражал. Чего тут только не было! Нежнейшая розовая ветчина и глянцево поблескивающие чёрными боками маслины; ароматная буженина и застывшие в собственном жиру купаты; румяные куриные ножки с белыми салфеточными папильотками и разнообразнейшие, хотя и уже основательно разорённые салаты. Многие из блюд я вообще видел впервые в жизни. А ближе к тому краю стола, где, вероятно, сидел замглавы, на большом плоском блюде покоился, раскинув длинные тонкие усы, огромный пожарно-красный лобстер с оторванной левой клешней. Не забывай, мой читатель, на дворе стоял голодный 89-й год.

– Хорошо быть генералом! – подытожил увиденное Толик и, вытащив из разгрома более-менее чистую вилку, решительно подсел к столу.

Я последовал его примеру...

Минут через сорок, когда мы лежали в комнате дежурных лётчиков на застеленных колючими солдатскими одеялами кроватях и, прислушиваясь к ощущениям, переваривали генеральский обед, над нашими головами оглушительно проревел двигателями взлетающий Ту-154 – участники сборов отбывали с аэродрома Орловка. Мы с Толиком, не сговариваясь, вздохнули с облегчением.

* * *

На следующий день у нас с Грошевым отобрали выданные перед «показательным маскарадом» новенькие комбинезоны и кожаные куртки.

А мы-то с Толиком так надеялись!..

Об особенностях электрификации отдельного гарнизона

Представьте себе субботний вечер.

Мы с женой, вкусно поужинав, сидим в креслах перед телевизором. Идёт очередная серия «Семнадцати мгновений весны». «А вас, Штирлиц, – говорит с экрана неподражаемый Мюллер-Броневой, – я попрошу остаться...» И в это время гаснет свет! Мы с женой отчётливо слышим вопль-стон, доносящийся, кажется, одновременно со всех сторон, – это значит, что свет вырубил не только в нашей квартире.

– Ну вот, – расстроено говорит жена, – на самом интересном месте!

– Спокойно! – говорю я. – Спокойно...

Я вскакиваю и выглядываю в окно – дом напротив сияет всеми своими окнами. Значит, в городке свет есть. Тогда я отбегаю к противоположной стене и прикладываю к ней ухо. Из квартиры соседа доносится приглушённый голос Мюллера – там тоже есть свет и продолжается фильм. Я быстро соображаю: значит, свет пропал только по нашему подъездному стояку; следовательно, скорее всего, опять «полетела» «фаза».

– Спокойно! – говорю я жене. – Сейчас досмотрим!

Я выскакиваю в коридор, накидываю куртку и, схватив стоящую в углу «электрическую палку», выхожу на лестничную площадку.

«Электрическая палка» – это обычная деревянная палка метровой длины – неотъемлемая деталь интерьера любой орловской квартиры.

В подъезде уже слышна возня: щёлкают дверные замки, гулко разносятся голоса, пахнут горелыми спичками – соседи сверху и снизу тоже высыпали из своих квартир. Все хотят досмотреть фильм. Я включаю фонарик и подхожу к распределительному щиту. Распределительным щитом я называю это место скорее по привычке. На самом деле это клубок проводов, торчащий из стены над электрическими счётчиками. Некоторое время я внимательно изучаю это месиво, пытаюсь разобраться в хитросплетении проводов. Из тёмной квартиры выглядывает жена:

– Ну что?

– Посвети, – прошу я её и, отдав фонарик, беру «электропалку» двумя руками – дело тут тонкое и требуется точная координация движений.

Я осторожно снимаю палкой кончик своего провода с одного пучка проводов и аккуратно перекладываю его на другой пучок. Щёлкает искра. В квартире загорается свет.

– Ура! – шёпотом говорит жена и торопит: – Пошли скорее!..

Мы возвращаемся в комнату. Свет в квартире тусклый, развёртка на экране телевизора не полная, изображение бледное: напряжение в сети – вольт 180, не выше. Но смотреть можно.

Постепенно нас вновь захватывает фабула фильма. Мюллер снова неподражаем. Штирлиц, как всегда, бесподобен. Музыка Таривердиева божественна...

Свет вновь слегка притухает – ещё кто-то «подсел» на «фазу». Изображение ещё больше бледнеет и начинает подрагивать.

– Хоть бы досмотреть! – переживает жена.

Но досмотреть не удаётся. Свет вдруг резко тускнеет, а потом гаснет окончательно.

– Всё! – произношу я в темноте сакраментальную фразу. – Кина не будет. Керосин кончился.

Жена ощупью идёт на кухню и возвращается с зажжённой свечой. Ставит её на телевизор и вновь опускается в кресло.

– Не расстраивайся, – говорю я, – всего-то десять минут недосмотрели.

Некоторое время мы молча сидим, глядя на мерцающее пламя свечи. Потом я начинаю собираться.

– Поосторожнее там, – напутствует меня на пороге жена. – Не лезь на рожон.

– Не волнуйся, – успокаиваю я её. – Не впервой.

Взяв фонарик, я ухожу. Возле подъезда меня поджидает Семёныч.

– Долго копаешься! – ворчит он. – Фильм уже семь минут как кончился, – и, подняв воротник, торопливо идёт вперёд.

Я не обращаю внимания. Семёныч всегда ворчит.

– А где Рустем? – спрашиваю я.

– Уже в подвале, – не оборачиваясь, отвечает Семёныч. – И Мелешко с ним. За связного.

– Понятно, – говорю я.

Мы идём вдоль дома. Снег скрипит под ногами.

– Фонарик взял? – оглядывается через плечо Семёныч.

– Взял, – говорю я. – Батарейки только хилые. Надолго не хватит.

– Вечно у тебя!.. – ворчит Семёныч.

Мы заворачиваем за угол и попадаем в царство лунного света. Всё вокруг сверкает и переливается в перламутрово-голубом сиянии. Сама луна – неправильным овалом – висит высоко над водокачкой.

– Красиво... – вздыхаю я.

– Дерьмо собачье!.. – ворчит Семёныч, он смотрит под ноги.

Мы подходим к трансформаторной будке. Семёныч разгибает проволоку, заменяющую дверной замок, и входит вовнутрь. Я свечу.

В будке тесно и пахнет сгоревшей изоляцией. Громко гудит трансформатор.

Семёныч шарит за дверью.

– Где ж она?!.. – сквозь зубы ворчит он. – Вечно куда-нибудь засунут!..

– Ну что, нашёл? – спрашиваю я.

– Нашёл, – говорит Семёныч и поворачивается ко мне. У него в руках БЭП.

БЭП – это Большая Электрическая Палка, а точнее, – хоккейная клюшка с обломанным на две трети пером.

– Свети! – говорит Семёныч и направляется в угол, тускло освещённый зловещим малиновым светом.

Я осторожно двигаюсь следом, стараясь светить над плечом Семёныча. Мы подходим к источнику света. Это раскалённый до малиновости кусок арматуры, лежащий на двух оплавленных контактах. Арматура эта исполняет роль рубильника, которым обесточивается наш дом. Вокруг «рубильника» многоногим спрутом клубятся толстые почерневшие провода.

– Стой так! – отрывисто говорит Семёныч. – Свети!

Я, вытянув шею, наблюдаю. Семёныч, напряжённо сопя, аккуратно просовывает перо клюшки сквозь «ноги спрута», подводит его под арматуру, а затем резким и точным движением сдвигает её с контактов. Летят искры.

– Есть! Готово! – говорит Семёныч и БЭПом подкатывает раскалённый кусок железа к своим ногам. – Ну, думаю, минут пятнадцать у нас есть.

Мы разворачиваемся и в обратном порядке, гуськом, выходим из будки.

Сияет луна. Наш дом, погружённый во тьму, мрачно поблескивает чёрными окнами. Я отыскиваю свою квартиру и с трудом различаю в тёмном кухонном окне чуть подсвеченный лунным светом силуэт жены. Смотрит. Волнуется.

Семёныч, опираясь на БЭП, закуривает.

– Семёныч, а чья это клюшка? – спрашиваю я.

– БЭП, что ли? – отзывается Семёныч. – А хрен его знает. Я когда первый раз в эту будку попал – ещё капитаном, «светящим», – она уже там стояла...

Дело в том, что когда-то давно, ещё задолго до моего приезда в Орловку, здесь, в трансформаторной будке, убило человека. То ли лейтенанта, то ли старлея. Он сунулся в будку, так же как и мы, – отключить дом, но что-то сделал

не так, и его убило током. Что он сделал не так, в чём ошибся – никто не знает, свидетелей не было. И в гарнизоне был издан приказ: в трансформаторной будке работать только вдвоём, причём непосредственное отключение, то есть работа с БЭПом, может осуществляться только офицером в звании не ниже майора, а офицер в звании не ниже капитана может выполнять вспомогательные работы, говоря проще – светить фонариком. Говорят, что есть приказ и по центральной трансформаторной будке, где стоит рубильник отключения всего городка. Говорят, там тоже есть палка, только она гораздо больше БЭПа и называется ЦЭП – Центральная Электрическая Палка. Говорят, что с ЦЭПом, по приказу, работать могут только подполковники, а светить фонариком – майоры. Говорят, что вместо рубильника там не арматура, а кусок солдатского лома и светится он так, что надо надевать тёмные очки. А ещё говорят, что где-то на аэродроме, в секретном подземном бункере, стоит Главный Выключатель, которым можно отключить вообще весь гарнизон. Там вместо рубильника на контактах лежит кусок рельса, а искра там при размыкании такая, что не ослепнуть можно только в сварочной маске. Говорят, что допуск туда имеют только командиры частей со своими замполитами и орудуют они там ГЭПом – Главной Электрической Палкой, которая длиной метра три и толщиной с оглоблю. Говорят... Говорят...

Я получил капитана совсем недавно и поэтому сопровождаю Семёныча в трансформаторную будку всего лишь в третий или в четвёртый раз. До этого я крайний раз ходил отключать рубильник года полтора назад – ещё когда был холостяком и жил в тринадцатом доме. У нас там электрическая схема немножко другая – там стоят подъездные выключатели. А по приказу с подъездными выключателями могут работать и старшие лейтенанты. Работа, в общем-то, была плёвая, но дело осложнялось тем, что подъездные выключатели находятся в подвале, а в подвале тринадцатого ДОСа всегда стоит вода. Летом там примерно по щиколотку, а вот зимой – бывает, что и по грудь. Представляете, каково это – работать с электричеством, стоя по пояс в воде? Конечно, экипировались мы соответственно: летом работали в резиновых сапогах, а зимой надевали «элку» – костюм «Л-1» противохимической защиты. Но всё равно было немного не по себе. Орудовали мы там обычными квартирными «электрическими палками», каждый своей. Вони-

ща там стоит невероятная! Вода уже давно протухла, мусор всякий плавает, дерьмо разное, крысы дохлые. Жутко там. Темень там непроглядная, и капает всё время сверху, с потолка, прямо за шиворот. А где-то вода всё время льётся, и не поймёшь – где. А ещё иногда звуки. Противные такие – как будто кто-то зубами скрипит. Или пенопластом по стеклу водит. Говорят, зверь там какой-то живёт. То ли выдра, то ли ондатра. Ну, что-то водяное. Говорят, его даже кто-то видел. Мол, плыло такое, размером с кошку, и крысу держало в зубах. Брежут, наверное. Станет оно жить в такой вонище, как же! А ещё говорят, рыба там водится. Ротаны. Насчёт этих-то как раз и не удивительно – эти заразы везде выживут. Вот только, говорят, они там безглазые вовсе. И чёрные как смоль. А ещё, говорят, где-то там, в тёмных подвальных лабиринтах, куда никогда не заходит человек, обитают гигантские чёрные пауки, такие огромные, что ловят и едят крыс. Говорят... Говорят... Говорят...

– Мелешко бежит, – толкает меня в бок Семёныч и щелчком отбрасывает окурок. – Видать, починили.

Скрипя снегом, подбегает запыхавшийся лейтенант Мелешко:

– Всё! Сделали! Рустем Айратович говорит, что можно включать!

– Добро! – кивает Семёныч. – Скажи, что через пару минут дадим свет.

Мелешко разворачивается и бежит назад. Луна светит ему в спину.

Семёныч ждёт, когда фигура Мелешко скроется за углом, затем командует:

– Пошли!

В том же порядке – Семёныч с БЭПом впереди, я с фонариком сзади – мы входим в будку. Трансформатор гудит. Семёныч подбирает уже остывшую арматуру и ставит БЭП к стене.

– Свети! – строго говорит он мне.

Я свечу.

Семёныч подходит ближе к сплетению проводов, тщательно прицеливается и с расстояния примерно в метр аккуратно накидывает арматуру на контакты.

Вспышка! Летят искры.

Железяка не удерживается на своём месте и падает на пол.

– ...!!! ...!!! ...!!! – эмоционально говорит Семёныч.

Я молча соглашаюсь.

Мне кажется, что трансформатор меняет тональность и начинает гудеть угрожающе.

Семёныч вновь берёт клюшку и подгребаёт арматуру к своим ногам, после чего повторяет попытку.

Вспышка!

На этот раз попытка удачная – арматура «прикипает» к контактам.

– Есть! – говорит Семёныч. – Зацепило!

Мы переводим дух.

– Всё, – говорит Семёныч, – уходим...

Мы выбираемся из будки, запираем дверь на проволоку и идём прочь.

Дом сияет окнами, как круизный лайнер. Кажется, что луна на небе поблекла, но отчётливые чёрные тени на ломких ногах скачут впереди нас по сугробам. Перед глазами у меня висят два зелёных пятна – следы от электрических вспышек. По опыту я знаю – они пройдут минут через тридцать-сорок.

Возле подъезда нас поджидают возбуждённый Мелешко и спокойно покуривающий Рустем Айратович – флегматичный пожилой прапорщик, электрик из батальона авиационного обеспечения.

– Ну, что там было? – интересуется Семёныч у Рустама.

Тот вынимает сигарету изо рта и сплёвывает на снег:

– Опять все фазы погорели. Живого места уже нет! Цеплять не за что. Я уж и так крутил, и этак... – он морщится, как от зубной боли, и вяло машет рукой. – Дней на пять, может, и хватит, – потом, подумав, добавляет: – Максимум на неделю.

Мы расходимся. Я поднимаюсь к себе на этаж и открываю дверь квартиры. Жена тут же повисает у меня на шее.

– Вовка!.. Вовка!..

– Ну всё. Всё... – я осторожно обнимаю её за плечи. – Всё нормально... Всё уже нормально.

Она резко отстраняется и смотрит мне в лицо.

– Свет мигнул и погас! А у вас там какая-то вспышка! Всю улицу озарило! И, главное, никто не выходит! Я уж не знала, что и думать!..

– Всё нормально, – говорю я. – Ерунда. Ничего страшного. Просто... «Акела промахнулся»... Бывает... – я смотрю в её глаза, где застыла тревога, на строго сдвинутые брови, и на душе у меня постепенно теплеет. Я улыбаюсь. – Знаешь что, – говорю я жене, – а давай-ка пить чай...

И тут пришла зима...

Летом 86-го затеяли в Орловке ремонт солдатской казармы. Большой ремонт. Капитальный. Всё лето и начало календарной осени весь личный состав гарнизона «пахал» на этой «комсомольской» стройке как пресловутый Папа Карло. Пахал, разумеется, в перерывах между полётами и дежурствами, ибо оных никто не отменял. Ну, худо-бедно, а к концу сентября ремонт казармы закончили.

Принимать обновлённую казарму неожиданно прилетел сам начальник штаба Дальневосточного округа генерал-лейтенант Моисеев. Наше гарнизонное командование от такой нежданной заботы высокого начальства впало в полукоматозное состояние и начисто забыло половину русского алфавита, но... всё обошлось. Высокое начальство, осмотрев итоги ударных четырёхмесячных трудов, осталось в целом довольно. Оно лишь по-отечески пожурило командиров за незначительные строительные огрехи да рассказало пару поучительных историй из своей, как оказалось, богатой ремонтами казарм и прочих разнообразных военных объектов жизни. После чего вышло из насквозь провонявшей олифой и ацетоном казармы, вдохнуло свежего орловского воздуха и закурило. А закурив, огляделось. А оглядевшись, призадумалось. А когда высокое начальство задумывается, тут уж и до беды недалеко. И точно, – беда пришла. Причём, как всегда, откуда не ждали.

– А что это у вас такой унылый пейзаж вокруг казармы? – спросило вдруг начальство в лице генерала Моисеева. – Ведь ни одного же деревца нет на служебной территории!

И то верно – пейзаж вокруг казармы был у нас ещё тот. Прямо скажем, лунный был пейзаж.

– Дык... это... – сказала гарнизонное командование и развело руками. – Ведь... потому что... А оно... Вот!

Ни этот жест, ни вербальный ряд высокого начальство удовлетворить не смогли.

– Повелеваю, – сказал высокое начальство, – территорию озеленить. Сроку вам – неделя. Потом проверю.

И улетело.

Надо сказать, что генерал Моисеев всегда отличался своей пунктуальностью. Если он сказал: «неделя» – значит, неделя. Если сказал: «проверю» – значит, непременно проверит. Об этом в Дальневосточном военном округе знали все. По-

этому указание Моисеева наше гарнизонное командование восприняло очень даже всерьёз.

Буквально на следующий день в ближайший лес за саженцами была отряжена мощная «зондеркоманда». Территория, подвергаемая озеленению, была велика, поэтому и саженцев из леса привезли аж два полных «Урала». Назавтра, несмотря на то что это был четверг, был назначен субботник по озеленению.

И тут пришла зима.

В ночь со среды на четверг столбик термометра неожиданно упал до отметки «минус десять».

И земля превратилась в камень.

Густая изморозь легла на придорожный бурьян, засеребрилась на крышах домов и на самолётных плоскостях, обильно проступила на висках вышедшего поутру на балкон начальника гарнизона. Удар был неожидан, а потому страшен. Начальник гарнизона ощутил себя в роли человека, приговорённого к казни, нежданно помилованного, выпущенного уже было из тюрьмы и тут же задавленного под самыми тюремными стенами случайным шальным грузовиком.

Срочно надо было найти виновных, и виновные были найдены. Начальник метеослужбы полка, позорным образом прошляпивший начало зимы, был, как молодой барашек на Курбан-байрам, показательно кастрирован и казнён перед строем. Но результатов это не принесло – на улице не потеплело.

Ещё несколько дней наши командиры, молясь всем известным и нескольким до той поры неизвестным богам, с надеждой ждали оттепели. Но, наверное, потому, что все они были коммунисты и большие грешники, мольбы их услышаны не были – столбик термометра с каждым днём лишь опускался всё ниже и ниже.

Начальник гарнизона, мрачный, как чёрный всадник Апокалипсиса, имея меру, то есть термометр в своей руке, метался по окрестностям и всех встречных и поперечных разил молниями, аки раненный в попу Зевс.

Время текло неумолимо. Ситуация из тревожной, быстро пройдя стадию опасной, стремительно превращалась в катастрофическую. Необходимо было что-то срочно решать.

За сутки до повторного прилёта Моисеева начальник гарнизона отдал приказ...

* * *

«Вертушка» проверяющего приземлилась на аэродроме не сразу – генерал решил сначала проконтролировать выполнение своего приказа с воздуха.

С высоты озеленённая территория смотрелась вполне себе ничего: ровные ряды молоденьких сочно-зелёных сосен весело разбегались от сверкающей на солнце яичной желтизной свежесокрашенной казармы. Сделав два круга над служебной зоной, генерал приказал пилотам идти на посадку.

В этот прилёт начальник штаба округа основной упор сделал на проверку гарнизонной документации. Просидев полдня в полковом штабе, генерал Моисеев приказал готовить свою «вертушку» к отлёту, а сам поехал в лётную столовую на обед. На обратном пути дотошный генерал всё-таки завернул в казарму.

Стройные ряды сосен с земли смотрелись ещё внушительнее, чем с воздуха: сосны были посажены уже зрелые – выше человеческого роста, разлапистые, пушистые. Лёгкий снежок, выпавший ночью, весело искрился на сочной зелени – казалось, молодые задорные сосенки набрали в свои игольчатые ладони снега, чтобы сразу по уходе людей вволю покидаться снежками.

Генерал потрянул ближайшую сосёнку, обрушил с неё снежный микрообвал и с довольным выражением лица проследовал к машине. Инспекция закончилась.

Сосны благополучно простояли до апреля.

Но вот жаркое весеннее солнышко повлиало на них весьма странно – сосны начали крениться, потом падать, потом рыжить. Вскоре озеленённая территория вокруг казармы вновь напоминала инопланетный пейзаж. На этот раз марсианский, где, как известно, преобладают рыже-красные тона. В общем, генерал Моисеев изрядно бы удивился, прилети он по весне в Орловку к своей не столь давно инспектируемой казарме. Откуда было знать генералу, что сосны перед его приездом «сажали» по необычной, нигде доселе не применявшейся технологии: никаких ям под саженцы не копали, сосна ставилась прямо на землю, сверху на её корни насыпалось несколько ведер шлака, которые вызванная к месту «озеленения» пожарная команда тут же щедро поливала водой. На двадцатиградусном морозе вода быстро схватывалась, фиксируя деревья в вертикальном положении.

Владимир Валентинович ЮРИНОВ

родился 12 мая 1963 года.

В прошлом – лётчик-истребитель.

Ныне – тренер по фехтованию в детской спортивной школе.

Писатель, поэт, бард.

Член Союза писателей России.

Автор нескольких книг поэзии и прозы.

